

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

VIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петер-
бургъ, 5 Сентября 1835 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

СТИХОТВОРЕНІЯ
В. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ ОСЬМОЙ.

Ундина.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

—
1837.

Издаиіе Книгопродавца Александра Смирдина.

УНДИНА,
СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

WILLIAM

STOEREN REINHARDT

Повинуясь волѣ, которую мнѣ было особенно пріятно исполнить, я разсказалъ Русскими стихами Ундину. Въ 1833 году, находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевского озера (въ деревенькѣ Вернѣ близъ Монтрё), написалъ я первыя три главы этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другаго рода на долго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда; и только въ нынѣшнемъ году я могъ опять за него приняться. Послѣднія главы Ундины написаны въ сельскомъ уединеніи близъ

Дерпта, гдѣ я провелъ половину лѣта
и могъ по прежнему посвятить досугъ
свой Поэзіи.

Ж.

Элистѣрь

26 Іюля 1836.

ГЛАВА I.

**О ТОМЪ , КАКЪ РЫЦАРЬ ПРИѢХАЛЪ ВЪ
ХИЖИНУ РЫБАКА.**

TABLA I.

O BOMBA, N. R. A. L. (MAYO 1877) 10

ALBANY, N. Y.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболь случилось, что въ
ясный, весенній
Вечерь сидѣлъ передъ дверью избушки своей пре-
старѣлый,
Честный рыбакъ и почиивалъ сѣтъ. Сторона та,
въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто. Лугъ, гдѣ
стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ широкое
лоно
Моря: можно было подумать, что берегъ души-
стый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя воды съ
любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной, трепещу-
щей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣ-
нялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и
прохладой

Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ
немного

Было людей : рыбакъ съ женою и только; дре-
мучій

Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И
ужасенъ

Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой неприступной; и
слухи

Страшные были объ немъ въ народѣ: тамъ было
нечисто ;

Злые духи гнѣздились въ немъ и пугали про-
хожихъ,

Такъ, что не смѣли и близко къ нему подходить.
Но смиренный

Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ :
на продажу

Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій за лѣсомъ ;
полонъ

Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину,
и ни разу

Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый небес-
ною силой.

Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ
онъ услышалъ

Шумъ въ лѣсу, какъ будтобы топотъ коня и же-
лѣзной

Брони звукъ ; онъ слушаетъ ; шумъ приближается ;
робость

Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ нена-
стныя ночи

Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось
разомъ

Мыслямъ его; особливо же нѣкто огромнаго ро-
ста,

Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ
темный

Лѣсѣ онъ со страхомъ глядитъ и ему показалось,
что въ самомъ

Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотреть кивающій при-
зракъ.

Вспомнивъ однако, что все ни какой еще не слу-
чилось

Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ, въ ко-
торой такъ долго

Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что печистый надъ
ними не властень,

Онъ ободрился прочелъ молитву, и сдѣлалось
скоро

Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую

Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій
образъ

Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ сре-
дины

Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ море;
шумъ же,

Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря : шагомъ на
бѣломъ,

Бодромъ конь изъ чащи лѣсной онъ вѣхалъ и
прямо

Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантией алаго цвѣта

Былъ покрытъ его фиолетовый, золотомъ шитый,

Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ баретѣ
висился

Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драго-
цѣнной

Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а
бѣлый

Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ,
копытомъ

Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воз-
душной

Поступью шель и, сгибая красивую шею какъ
лебедь,

Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пора-
женный

Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ, и
снявши

Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой.
Приближаеъ,

Рыцарь сказалъ: могуль я съ конемъ найти здѣсь
на эту

Ночь убѣжище? — Милости просимъ, гость бла-
городный;

Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зе-
леный

Лугъ, подъ кровлей сѣнистыхъ деревь; а вкусную
пищу

Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ жъ
мы охотно

Уголь очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ и
ужинъ

Скудный съ тобою раздѣлимъ. Рыцарь, кивнувъ
головою,

Спрыгнувъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему
лугу

Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: ты охо-
тно,

Добрый старикъ, принимаешь меня, но когдабъ и
не столько

Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣ-
лался нынѣ:

Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги

Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ про-
клятый

Лѣсъ возвращаться, избави Боже! — Не станемъ
объ этомъ

Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ ози-
раясь

Старый рыбакъ и въ хижину ввелъ усталаго
гостя.

Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ ками-
нѣ и въ чистой

Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на сту-
лъ широко

Съ спинкой рѣзною сидѣла жена рыбака пожи-
лая.

Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклони-
лась

Чинно, и сѣла опять, ему отдать не подумавъ

Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ : бла-
городный

Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой
покойный

Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обы-
чай ;

Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается. — Что
ты ,

Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка ;
вѣдь гость нашъ

Вѣрно такой же Христовъ человекъ, какъ и мы,
и придетъ ли,

Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему у-
ступали

Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой до-
брый

Рыцарь, на эту скамейку, она продолжала, да
только

Тиши сиди, не ворочайся, ножка одна не надежна.

Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,

Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ будто бѣ

Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужихъ въ отчизну.

Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ

Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночью порою боялся

Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой

Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ рассказывалъ много.

Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ

Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій

Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна

Та сторона; онъ прибавилъ: меня называютъ Гульбрандомъ,

Имя же замка Рингштетень. — Такъ говоря, не надежды

Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за
окошкомъ,

Точно какъ-будто водой кто опрыскивалъ стекла
съ наружи.

Всякой разъ съ досадою нахмуривалъ брови, по-
слышавъ плесканье,

Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ
обдало стекла,

Такъ, что окно зазвѣнѣло и въ горницу брызги
влетѣли,

Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко
съ угрозою: Ундина!

Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости.

При этомъ

Словъ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ
былъ легкій

Шепотъ, какъ будто-бы кто потихоньку смѣялся.

Почтенный

Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись
на мѣсто:

Можетъ быть шалостей много еще ты увидишь, но
злаго

Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,

Только не дочка родная, а найденный; сущій мла-
денецъ,

Все проказить, а будетъ ей лѣтъ ужъ осмнадцать;
но сердце

Самое доброе въ ней. Покачавъ головою, старушка

Молвила: такъ говорить ты волѣнъ; когда ты усталый

Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на досугъ забавны

Эти проказы; но, съ у́тра до вечера дома глазъ на глазъ

Съ нею пробывъ, отъ нее не добиться путнаго слова —

Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье.

Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ; ты бьешься съ Ундиной,

Я съ причудливымъ моремъ: развѣ не часто мой неводъ

Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ

Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою и охнешь, однако

Все Ундиночку любишь. Не такъ ли? — Что правда, то правда;

Вовсе ее разлюбить ужъ нельзя, кивнувъ головою,

Кротко сказала старушка. Вдругъ разтворилася настежъ

Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ

Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то воздуш-
ное. „ Гдѣ же

„ Гости, отецъ ? За чѣмъ ты меня обманулъ ? “ Но,
увидя

Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голу-
бые,

Вспыхнувъ звѣздами подѣ сумракомъ черныхъ рѣ-
сницъ, устремились

Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуднымъ яв-
леньемъ,

Былъ какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и
боялся

Взоръ отвести : онъ думалъ , что видѣть сонъ, и
взглядѣться

Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не
скрылся. / Ундина

Долго смотрѣла, пурпурныя губки разкрывъ какъ
младенецъ ;

Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой, она под-
бѣжала

Къ рыцарю, стала передъ нимъ на колѣна и, цѣ-
пью блестящей,

Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала :
прекрасный ,

Милый гость, какою судьбой очутился ты въ на-
шей

Хижинѣ ? Долго ты по свѣту долженъ былъ стран-
ствовать прежде,

Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ
лѣсъ нашъ

Какъ ты прѣхалъ? Но онъ отвѣчать не успѣлъ;
на Ундину

Крикнула съ сердцемъ старушка: оставь въ по-
коѣ, Ундина,

Гостя; встань и возмись за работу. Ундина, ни
слова

Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку и,
сѣвши

Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонь-
ко шепнула:

Вотъ гдѣ я буду работать. Старикъ, притворяясь,
что не видитъ

Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ун-
дина

Рѣчь перебила его: у тебя я спросила, мой ми-
лый

Гость, откуда прѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли
отвѣта? —

Изъ лѣсу прямо прѣхалъ я, прелесть моя. — Раз-
скажи же,

Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чудна-
го видѣлъ?

Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣ-
сѣ; невольно

Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое
кто-то

Бѣлый, ему показалось, глядѣль; но было въ
окошкѣ

Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла. Собрав-
шись

Съ духомъ, рассказъ онъ готовъ былъ начать; но
старикъ торопливо

Молвилъ ему: не доброе время теперь намъ объ-
лѣсь

Рѣчь заводить; расскажешь намъ завтра. Услышав-
ши это,

Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засвер-
кали.

Нынче, не завтра онъ долженъ рассказывать! нын-
че, теперь же!

Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки угрюмо
нахмуривъ,

Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту
минуту

Такъ забавно мила и прелестна была, что въ
Гульбрандѣ

Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ плѣнился
смѣшною,

Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью
прежней.

Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, причудницу
началъ

Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую воль-
ность

Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ

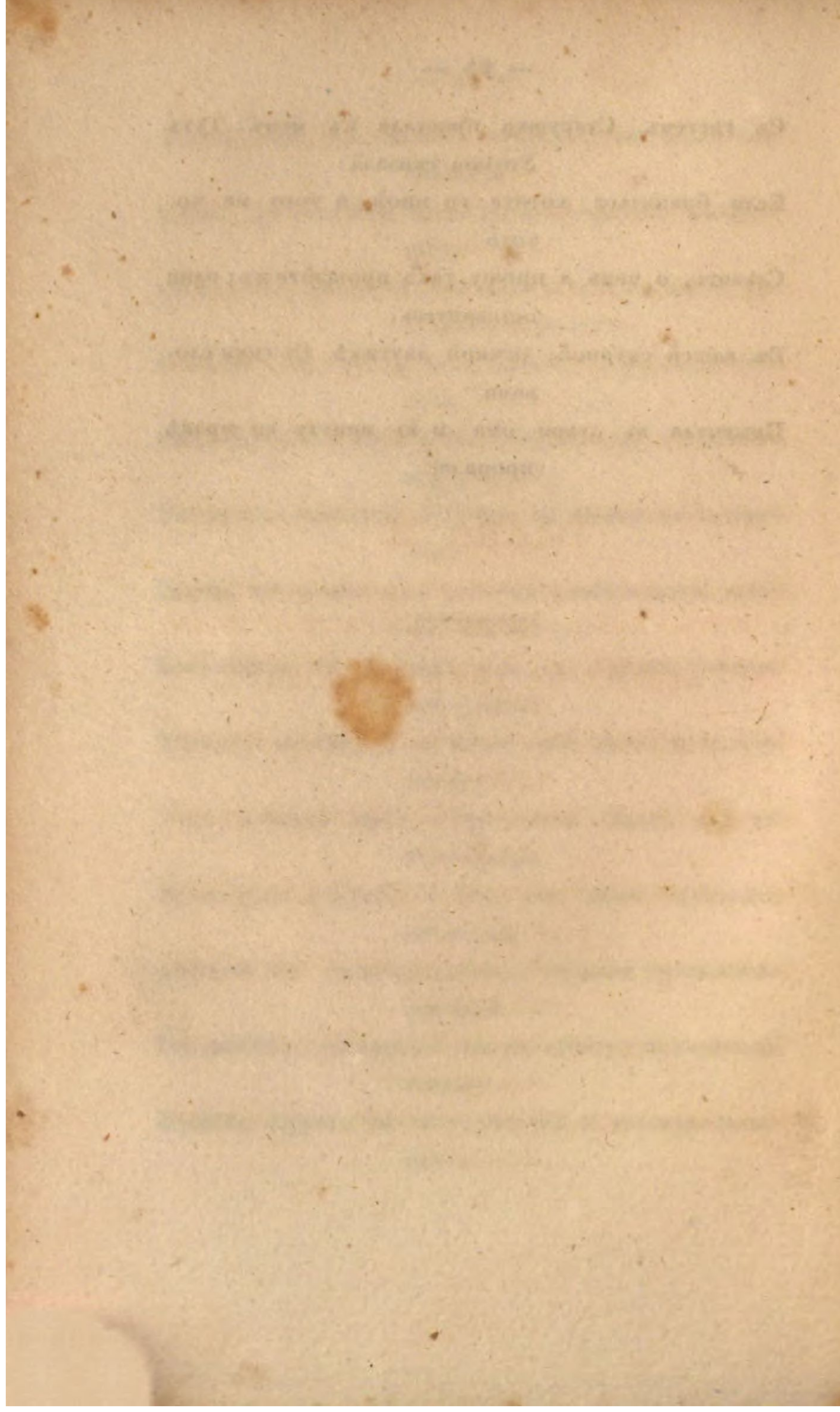
Ундина сказала:

Если браниться хотите со мной, а того не хо-
тите

Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ; одни
оставайтесь

Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ. Съ сими сло-
вами

Прыгнула въ двери она и въ минуту во мракѣ
пропала.

ГЛАВА II.

**О ТОМЪ, КАКЪ УНДНА ВЪ ПЕРВЫИ РАЗЪ
ЯВИЛАСЬ ВЪ ХИЖИНѢ РЫБАКА.**

TABLE II

OF THE VARIOUS KINDS OF WOODS USED IN THE CONSTRUCTION OF THE BRIDGE

AND THE QUANTITY OF EACH KIND

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились
оба

Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно; Ундина
такъ быстро

Скрылась, что даже было не лзя догадаться, въ
какую

Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ
взоромъ

Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать? — Ужь это
не въ первый

Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами
часто

Насъ забавляетъ она; теперь опять мнѣ придется

Цѣлую ночь на пролетъ безъ сна проворочаться
съ боку

На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь малолѣ
что можетъ

Встрѣтиться ночью! — За чѣмъ же медлить? Пойдемъ
поскорѣ

Сами за нею. — Трудъ бесполезный; ты видишь,
какая

Тьма на дворѣ: куда мы пойдѣмъ? И кто уга-
даетъ,

Гдѣ она спряталась? — Будемъ покрайней мѣрѣ,
прибавилъ

Рыцарь, хотѣ кликать ее. И кричать онъ началъ:
Ундина!

Гдѣ ты, Ундина? — Старикъ покачалъ головою. Какъ
хочешь,

Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужъ
вѣрно

Гдѣ нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, ка-
кая

Это упрямица. — Такъ говоря, старикъ съ беспо-
койствомъ

Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ утерпѣть, чтобъ
тудаже

Велѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: Ундиночка!
милая! гдѣ ты?

Правду однако онъ предсказалъ: ни какой тамъ
Ундины

Не было. Долго кричавъ по напрасну, они наконецъ
возвратились

Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно, и ста-
рушка,

Менѣ мужа о томъ, что съ Ундиной случится, за-
ботясь,

Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши,
потухнулъ,

Только немногіе уголья тѣли и синее пламя,

Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и
гасло.

Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ боль-
шую

Кружку виномъ и поставилъ ее передъ гостемъ. —
„Мы оба,

Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ,
когда мы,

Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой ро-
гожей

Грѣшное тѣло терѣть, посидимъ у огня и за до-
брой

Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ?
Какъ ты

Думаешь, добрый мой гость?“ — Гульбрандъ со-
гласился охотно.

Свѣтъ принудивъ его на почетномъ оставленномъ
стулѣ,

Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и
вотъ дружелюбно

Стали они разговаривать; только при каждомъ
малѣйшемъ

Шорохъ—стукнуть ли что въ окошко, и даже не
рѣдко

Просто безъ всякаго стука и шороха — вдругъ
умолкали

Оба, и, палецъ поднявши, глаза неподвижно
установивъ

Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не
тутъ-то

Было; не шель никто, и, вздохнувши, они начи-
нали

Снова свой разговоръ. — Расскажи мнѣ, сказалъ
напоследокъ

Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину? —
А вотъ какъ

Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣ-
нацать

Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ
этотъ

Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену
я оставилъ

Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и
нужно

Было ей дома остаться. За чѣмъ, ты спросишь?
Господь намъ

Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную
дочку;

Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой про-
давши,

Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не слу-
чилось

Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго
встрѣтить;

Богъ мнѣ сопутствовалъ всякой разъ, когда черезъ
этотъ

Страшный лѣсъ мнѣ итти удавалось: а съ нимъ
и опасный

Путь не опасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ
умиленнымъ

Видомъ шапочку снялъ съ головы и руки сло-
живши,

Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ;
потомъ онъ

Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ
веселымъ

Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало не-
счастье:

Вся въ слезахъ на встрѣчу ко мнѣ жена прибѣ-
жала.

Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ.
Гдѣ наша

Дочка? — Она у того, чье имя ты въ эту ми-
нуту,

Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала.
И, молча,

Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину;
тѣла

Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но
тѣла

Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ
младенцемъ

Подавъ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;

Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она;
вдругъ малютка

Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное
что-то

Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; и видитъ жена, что
нашъ милый

Ангель смѣется, рученками что-то хватая; но въ
этотъ

Мигъ какъ-будто какой невидимой силой швыр-
нуло

Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка про-
пала.

Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ и при-
мѣты

Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ
безотрадномъ

Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и
молчали:

Еслибъ и можно было отъ слезъ говорить, то
не стало бъ

Духу; и такъ мы оба молчали, глаза устре-
мивши

Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ слы-
шался легкій

Шорохъ; онъ растворились — и что же видимъ
мы? Чудной

Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ
уборѣ,

Намъ улыбаясь какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ.
Сначала

Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ
человѣчекъ,

Или обманчивый призракъ какой; но скоро при-
мѣтилъ

Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья ма-
лутки

Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно

Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И
вздохнувши,

Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти
намъ

Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами

Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ
другіе

Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы
нашимъ.

Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и
напитъся

Дали горячаго ей; а она все молчала, и толь-
ко,

Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыба-
лась.

Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточикъ ве-
сенній,

Утромъ проснулась; когда жъ мы разспрашивать ста-
ли, отъ куда

Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину,
толку

Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого; и
вотъ ужъ

Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а
добиться

Путнаго мы не могли отъ нее ничего; по раз-
сказамъ

Вездорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ
упала

Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ прозрачныхъ,
жемчужныхъ

Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ
небылицахъ

Все твердить и теперь, какъ твердила тогда; уда-
лося

Вывѣдать только одно, что, катаясь по морю въ
лодкѣ

Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на
здѣшній

Берегъ ее принесли, гдѣ она и очнулась..... Въ
сомнѣньи

Тяжкомъ остались мы: хотя и было не трудно

Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной
дочки,

Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ; но
не знали

Мы, крещена ли она иль нѣтъ? Сказать же объ
этомъ

Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и по-
нятно

Было ей, что она жила по волѣ Господней

Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно го-
това

Все то исполнить, что съ волей Господней соглас-
но. И вотъ что

Мы въ такомъ затрудненіи придумали вмѣстѣ съ
женою :

Если она еще не была крещена, то не должно

Медлить минуты; а если уже крещена, то и два-
жды

Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но
какое

Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее
Доротеей

Было бъ всего приличней назвать: мы слыхали, что
значить

*

Это имя *даръ Божій*, она же была милосердымъ

Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ
отраду.

Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла.

„Ундиной“

Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться

Вѣчно Ундиной!“ — Но было ли то Христіанское
имя,

Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ
въ городъ;

Онъ согласился притти къ намъ; съ начала имя
Ундины

Было противно ему, какъ и намъ; но наша ма-
лютка,

Въ платьѣцѣ странномъ своемъ, была такъ чудес-
но красива,

Такъ ласкалась къ нему и въ то же время такъ
мило,

Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не
въ силахъ

Былъ противиться ей — и ее окрестили Ундиной.

Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженіе
святаго

Таинства: дикая рѣзвость исчезла и тихимъ, сми-
реннымъ

Агнищемъ стояла она, какъ будто бы чувствуя,
что съ ней

Въ это время творилось. Правду молвить, не мало

Съ нею хлопотъ намъ, и еслибъ все рассказать
мнѣ.... Но рыцарь

Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: послушай!
послушай!

Что тамъ? — Не разъ ужъ во время разсказа былъ
онъ встревоженъ

Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно
слышенъ

Ревъ потока, которой бѣжалъ съ возрастающей
силой

Мимо хижины. Оба вскочили и бросились въ две-
ри;

Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей,
выходящій

Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ло-
мая

Съ трескомъ дерева, въ море бѣжалъ; и было
все небо,

Такъ же какъ море, взволновано; тучи горами ка-
тились

Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно

Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой трепетала;
при свистѣ

Вихря было внятно, какъ море свирѣное голосъ

Свой воздымало и какъ, скрывя отъ вершины до
корня,

Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья. —

Ундина!...

Царь мой небесный!... Ундина! старикъ закри-
чалъ; но отвѣта

Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,

Каждый своею дорогою къ лѣсу и громко при
шумѣ

Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина!
Ундина!

ГЛАВА III.

О ТОМЪ, КАКЪ БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА.

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитался
во мракѣ

Ночи, подѣ шумомъ бури, одинъ, въ бесполезномъ
исканьи :

Снова стало казаться ему, что Ундина лишь при-
зракъ,

Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при
свистѣ

Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ,
при чудномъ

Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны
превращеньи,

Началъ онъ думать, что море, лугъ, источникъ,
рыбачья

Хижина, старый рыбакъ и все, что съ нимъ ни
случилось,

Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зову-
щій Ундину,

Все ему издали слышался. Вотъ наконецъ очу-
тился

Онъ на самомъ краю лѣснаго ручья, который въ
разливѣ

Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣкою,

Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на коемъ
стояла

Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! рыцарь по-
думалъ,

Что, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и на-
задъ ей

Нѣтъ отъ туда дороги, и тамъ у злыхъ приви-
дѣній

Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса вскри-
кнувъ,

Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный ду-
бовый,

Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него,
перебраться

Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ,
вспоминая

Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и
казалось

Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровень съ
деревями,

Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ и, ос-
каливъ

Зубы, кивалъ ему головою — но самый сей
ужасъ

Только что съ большею силою влекъ его въ лѣсъ:

тамъ Ундина

Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужъ

ступилъ онъ

Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ вдругъ не

далеко

Сладостный голосъ сказалъ: „ не ходи, не ходи,

берегися

„ Злаго потока; старикъ сердитъ и обманчивъ. “

Знакомы

Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;

Онъ же, стоя въ водѣ, озирался и слушалъ; но

мѣсяцъ

Темной задернуло тучей и волны быстро неслися,

Ноги его подмывая, и онъ, почти опрокинуть,

Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и

глазами

Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ восклик-

нулъ: Ундина!

Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я бро-

шусь

Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ луч-

ше погибнуть,

Нежели быть безъ тебя. — И глубже въ воду по-

шелъ онъ.

Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: оглянися!

Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь

Въ блескъ его увидѣлъ Ундиону: былъ маленькій островъ

Подъ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;

Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ утѣздившись,

Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было не трудно

Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти и Гульбрандъ очутился

Въ мигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она жъ, приподнявшись,

Руки вокругъ шеи его обвила и его по неволѣ

Рядомъ съ собой посадила. Теперь ты расскажешь мнѣ, милый,

Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики насъ

Здѣсь не услышать и скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ

Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля

Стоитъ ихъ хижины дымной. — Здѣсь рай, Ундина! воскликнулъ

Рыцарь, прижавши ко груди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.

Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Унди-
дину,

Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ бере-
га. Рыцарь!

Онъ закричалъ: непохвальное дѣло ты дѣлаешь;
нами

Былъ ты доверчиво принять; а ты теперь, обни-
маясь

Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайкомъ, и
оставилъ

Въ страхъ меня старика одного по пустому за
нею

Бѣгать въ потемкахъ. — Я самъ, отвѣтствовалъ
рыцарь, лишь только

Въ эту минуту встрѣтился съ нею. — Тѣмъ лучше;
скорѣе жъ

Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю. —

Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше

Въ страшный лѣсъ она соглашалась съ милымъ,
прекраснымъ

Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ
не хотѣли

Дѣлать того, о чемъ просила она, и отъ куда

Рано иль поздно прекрасный гость удалится. При-
жавшись

Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо за-
пѣла :

„ Въ душной долинь волна печально трепещетъ и
бьется ;

„ Влившись въ море, она изъ моря назадъ не по-
льется. “

Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню ;
ее же

Слезы его какъ будто не трогали ; къ рыцарю съ
дѣтской

Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей :
Ундина,

Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямся жь;
намъ должно,

Должно къ нему возвратиться. Въ нѣмомъ изум-
леньи Ундина

Быстро свои голубые глаза на него устремила,

Кротко сказала потомъ : когда ты такъ думаешь,
милый,

Я согласна. И съ видомъ покорнымъ, глаза опу-
стивши,

Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно

Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на
шею

Кинулся къ ней и въ радости былъ какъ дитя;
прибѣжала

Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную
дочку

Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ до-
бромъ

Сердцѣ Ундины все такъ же утихло, и ихъ об-
нимала

Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣ-
ялась,

Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро

Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы

Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ
вѣткахъ;

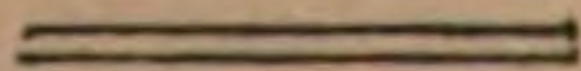
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ун-
дина

Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ рассказъ
свой. И такъ согласились

Завтракъ принести подъ деревья. Ундина проворно
усѣлась

Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другаго же
мѣста

Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь рассказывать
началъ.

ГЛАВА IV.

**О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ
ВЪ ЛѢСУ.**

TABLE IV.

OF THE VARIOUS KINDS OF WOODS

AND

THEIR

Вотъ ужь болѣ недѣли, какъ я въ тотъ вольный
Имперскій

Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, прѣ-
халъ;

Тамъ былъ турниръ и рыцари копья ломали
усердно.

Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подошедши къ
оградѣ

Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ
свой

Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту

Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ
уборѣ,

Чудной прелести. Это была молодая Бертальда —

Мнѣ сказали—питомица знатнаго Герцога, въ ближ-
немъ

Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ
видомъ

*

Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣлась
двойная

Бодрость; усердно бился я прежде, но съ этой ми-
нуты

Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною

Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ осталь-
ные

Дни турнира. — Въ эту минуту почувствовалъ
рыцарь

Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; огля-
нувшись,

Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стис-
нувъ

Палецъ ему, сердито нахмурила бровки и въ глаз-
кахъ,

Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гуль-
бранда

Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему по-
грозила

Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила
головку.

Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ
разсказъ свой

Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, не лъзя не
признаться;

Но черезъ чуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во
второй разъ

Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый, а въ третій
разъ менѣ

Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось, что болѣ

Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и это мнѣ
льстиво.

Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ
перчатку

Мнѣ свою подарила она. Подарю, отвѣчала

Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься,
рыцарь,

Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и
вѣрныя вѣсти

Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ происходитъ.

Перчатка

Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю стыдно

Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согла-
сился.

— Развѣ тебя не любила она, спросила Ун-
дина? —

я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ, такъ мнѣ
казалось.

— О! такъ она сумасшедшая, вскрикнула громко
Ундина,

Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ладоши.
Кто жъ не безумный

Съ милымъ себя разлучить и его добровольно въ
волшебный

Лѣсъ на опасное дѣло пошлетъ? Отъ меня бѣ не
дождался

Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести. — Рано

Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ, улыбнув-
шись Ундиѣ,

Я отправился въ путь. Спокойно сіяли деревья

Въ блескъ зари, полосами летавшемъ на зелени
дерна;

Было свѣжо; благовонные листья такъ сладко шеп-
тались,

Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я
по неволѣ

Злился на глуныхъ людей, которымъ страшилица
въ райскомъ

Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ
чащу;

Мало по мало все стало пустынно и тихо; густѣя

Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто
хватая

Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь воз-
вратный

Путь потерять, я коня удержалъ: посмотреть, вы-
соко ли

Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю и что же

Вижу? Черное что-то копышется въ вѣтвяхъ дубо-
выхъ.

Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю
поспѣшно

Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ,
визгливымъ,

Мнѣ закричали: кстати пожаловалъ; милости про-
симъ;

Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было
на чемъ намъ

Вашу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно-
дикимъ

Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашу-
мѣло

Вѣтвями дуба, что конь мой, шерахнувшись, бро-
сился мимо

Въ скачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ
гнѣзился

Дьяволъ. При имени этомъ рыбакъ и старушка съ
молитвой

Перекрестились; Ундина жъ тихонько шепнула: всего
здѣсь

Лучше по моему то, что ты не изжаренъ, мой
милый

Рыцарь, и то, что ты съ нами. Рассказывай далѣе. —
Конь мой

Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказахъ; имъ вла-
дѣть не имѣхъ я

Силы; вдругъ передъ нами стремшина, и скачетъ
со мной онъ

Прямо въ нее; но въ самое жъ это мгновеніе кто-то

Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу до-
рогу,

Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился и конь,
отшатнувшись,

Сталъ, и снова я имъ овладѣхъ. Озираюсь, что же?

Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а бле-
стящій

Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма. — Благодар-
ствую, милый,

Добрый ручей, — вкричала, хлопавъ въ ладоши,
Ундина. —

Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ
головою,

Рыцарь рассказывалъ далѣ. Собравъ поводъ, укрѣ-
пился

Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ чело-
вѣчикъ

Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный гор-
бунъ, земляного

Цвѣта лице, и носъ огромный такой, что, каза-
лось,

Былъ онъ длиною со все остальное тѣло уродъ.

Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,

Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ и, коня
повернувши,

Былъ готовъ пуститься въ обратный путь (ужъ
склонилось

Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но
карликъ,

Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Бе-
регися,

Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ, изковеркавшись
снова,

Началъ визжать: заплати за работу; ты въ про-
пасть

Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я под-
вернулся.

Лжешь ты, кривляка, сказалъ я, не ты, а этотъ
источникъ

Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ деньги;
оставь насъ,

Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету

Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но снова
явился

Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ
но съ боку

Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ
хохотомъ, съ визгомъ,

Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ
скорѣе

Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую мо-
нету

Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши
зубы,

Началь кричать онъ: поддѣльное золото! золота
много

Есть у меня! погляди! полюбуйся! — И въ эту
минуту

Миѣ показалось, что вдругъ просвѣтѣла земная
утроба;

Дернъ изумруромъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ
мой свободно

Могъ сквозь него проникать въ глубину; и тогда
миѣ открылась

Область подземная Гномовъ: они гомозились, рои-
лись,

Комкались въ клубы, вились, развивались, егребали
металлы,

Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ, и
пускали

Вихри песка золотого другъ другу въ глаза. Мой
сопутникъ

Быстро метался то въ низъ то въ верхъ; и ему
подавали

Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со
смѣхомъ,

Каждый онъ въ бездну бросалъ и, изъ пропасти
въ пропасть со звономъ

Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ мо-
нету,

Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохо-
томъ въ бездну;

Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ
бездны.

Вдругъ взгомозились всѣ и, толпясь, толкаясь,
полезли

Къверху, когтистые, пылью металловъ покрытые
пальцы

Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось,
кипѣла;

Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе.....

Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню, безъ
оглядки

Я поскакалъ и не знаю, долго ль скакалъ; по
очнувшись

Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли; про-
хладно

Было въ лѣсу и вечеръ уже наступилъ. Сквозь
деревья

Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ
городъ.

Взѣхатъ спѣшу я на эту тропинку; но что-то
сѣдое,

Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поми-
нотно

Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ засло-
нило

Путь; я пытаюсь объѣхатъ его, но куда ни
поѣду,

Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ; но
на встрѣчу

Прыщеть мнѣ иѣна, и ливнемъ холоднымъ я обдаю,
и рвется

Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей,
я бросаюсь

Въ право и въ лѣво, но все не могу попасть на
тропинку,

Бѣлый пикакъ на нее не пускаетъ меня. Попы-
таюсь

ѣхатъ обратно — за мной по пятамъ онъ, но
смирень, и волю

Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять
на тропинку

Взѣду — онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и
холодной

Пѣной меня обдастъ. Наконецъ по неволѣ я вы-
бралъ

Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ
упорно,

Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за
мною

Блѣднотуманнымъ столбомъ подвигался; когда же
случалось

Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ
огромный

Столбъ съ головой, что въ меня упирался тускло
и зорко

Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала

Всякой разъ голова, какъ будто меня понукая

Ѣхать въ передъ. Но порою мнѣ просто казалось,
что этотъ

Страшный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ.

Наконецъ я,

Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился
съ вами,

Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ.

— Рыцарь кончилъ рассказъ свой. Мы рады тебѣ,
благородный

Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ
намъ подумать,

Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ. — Ундина,
услышавъ

Эти слова, начала про себя тихомолкомъ смѣяться

Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, ска-
заль ей: Ундина,

Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты
смѣешься? —

Я ужь знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай

Этотъ сердитый потокъ переплыть — верхомъ плъ
на лодкѣ,

Какъ угодно — анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ....
давно я

Знаю, что этого сдѣлать не лзя; и отецъ не
далеко

Въ море уходитъ съ лодкой своей. И такъ оста-
вайся

Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему я
смѣюсь.

Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть такъ ли
то было,

Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за
ними

Вслѣдъ и она. И подлинно, все опрокинуто было

Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полу-
островъ

Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать,
и долженъ

Былъ по неволѣ онъ ждть, пока въ берега не
вольется

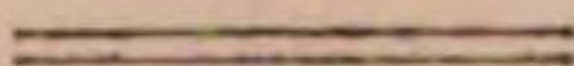
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину рядомъ съ
Ундиной,

Онъ ей шепнулъ: что скажешь, Ундиночка? Рада ль,
что съ вами

Я остаюсь? — Полно, полно она проворчала,

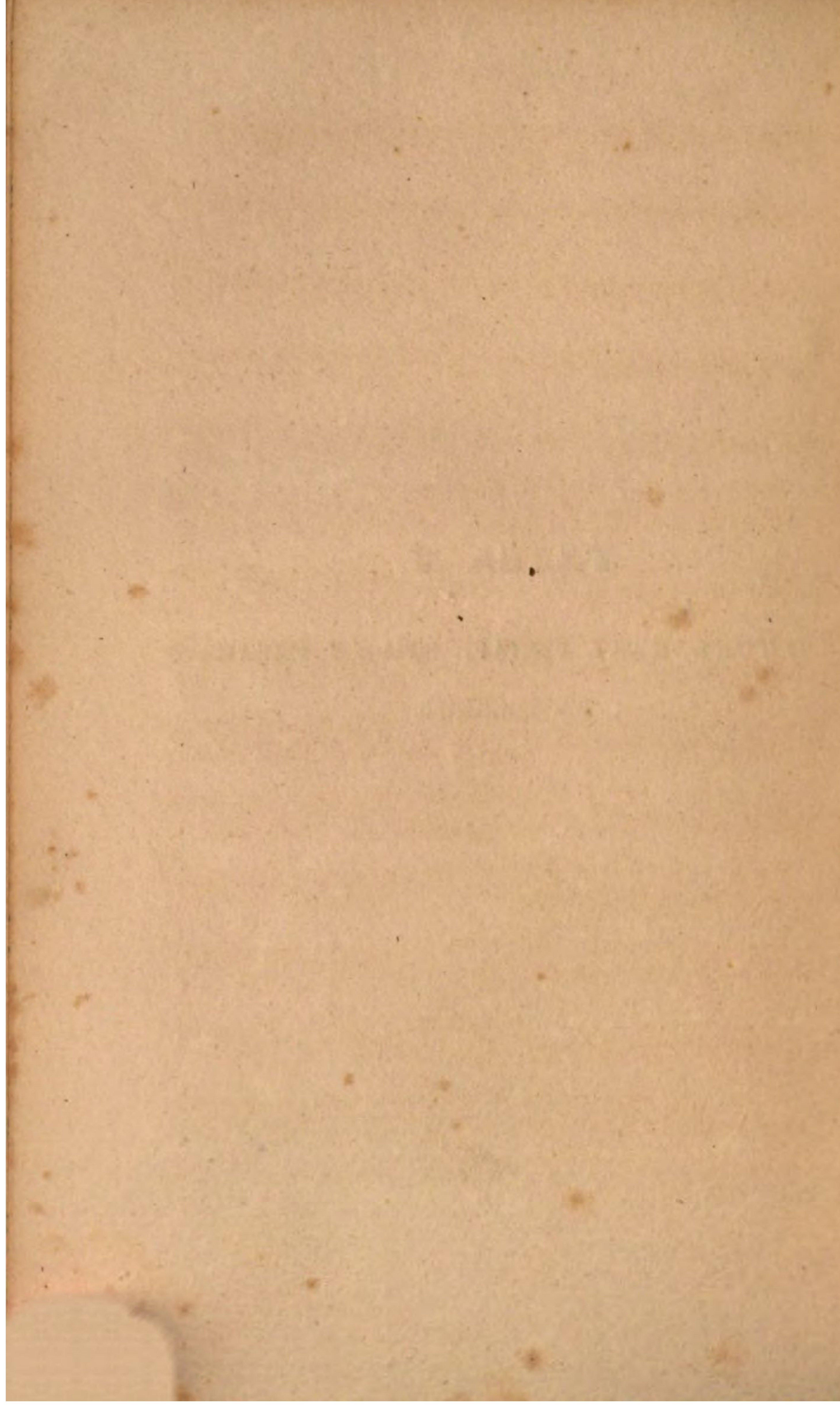
Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за
палецъ,

Ты бы не то рассказалъ намъ объ этой несносной
Бертальдъ.

ГЛАВА V.

**О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖИЛЪ У РЫБАКА
ВЪ ХИЖИНѢ.**

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случилось въ
жизни,

Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое

Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо; гдѣ живущая въ
каждомъ

Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному
миру

Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова
ты видѣлъ

Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага

Первой, чистой любви на могилахъ минувшаго
снова

Въ прежней красѣ разцвѣтали, и ты говорилъ,
отдыхая:

Здѣсь живетъ сладко, здѣсь мнѣ будетъ пріютно.

Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной думой

*

Ты обнималъ безименное, тайное счастье земное,

Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чувствовать рыцарь,

Вдругъ поселившись въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.

Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣпѣя,

День ото дня расширялся, и островъ все далѣ и далѣ

Въ море входилъ, разлучаясь съ твердой землею; казалось,

Миръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало

Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;

Зная людей, извѣдавъ тревогу житейскую, бывши

Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугъ онъ много

Могъ рассказать про войну и про счастье, несчастье земное;

Словомъ онъ былъ живая лѣтопись; время безъ скуки

Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей, полнымъ

Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо изъ жизни

Взятая здоровымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вли-
валась

Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла блаженную
ясность.

Бодрый старикъ промышлялъ по прежнему рыбною
ловлей.

Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ къ счастью
нашелся

Старый доспѣхъ рыбака, самострѣль; его почи-
нивши,

Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а
вечеръ

Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и
полный

Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ:
въ запасѣ

Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до
поздней

Ночи. Но мирной сей жизни была душею Ундина.

Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, ка-
кимъ - то

Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота Херувима,

Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудли-
вость Никсы,

Свѣжесть цвѣтка, порхливость сальфиды, измѣнчи-
вость струйки

Словомъ Ундина была несравненнымъ, мучительно-
милымъ,

Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проникала,
томила

Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ вол-
шебство

Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою
думой.

Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя при-
чуды Ундины

Были подъ часъ и докучливой мукой; за то и
журпли

Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило

Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала; потомъ
такъ сердечно

Съ ними, раскаясь, мирилась; потомъ проказила
снова, и снова

Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной

Сѣтью, которою мало по малу опуталось сердце

Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ
каждою мыслью,

Съ каждымъ чувствомъ сплелся Ундина. Но, имъ
обладая,

Той же силѣ она и сама покорялась; хотя въ
ней

Все осталось по прежнему, рѣзвость, причуды,
упрямство,

Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный
хохоть,

Но Ундина любила — любила безпечно, какъ
любить

Птичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и ста-
рушка,

Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно при-
выкли

Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю
такъ же

Часто на мысль приходило, что въ міръ для него
невозвратно

Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему
не встрѣчаться.

Если жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ
бродившій

По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ
будто

Спрашивалъ: скороли въ битву? иль, если ему пона-
дался

Брошенный щитъ на глаза, иль праздно на стѣнѣ
висѣвшій

Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ
выдвигался

Въ звонкомъ паденьи — дума о славѣ, о подви-
гахъ бравныхъ

Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ

Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ;

къ тому же

Мнилось ему, что Ундина была рождена не для

низкой

Доли; словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай,

а Божій

Промыселъ было. И такъ одинъ за другимъ непри-

мѣтно

Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ

Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство:

привыкли

Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ,

съ полнымъ

Кубкомъ часъ другой проводить въ разговоръ

радушномъ;

Вдругъ неостало вина: запасъ рыбака небогатый

Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ

Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ; а

Ундина,

Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и

дологъ

Былъ тотъ вечеръ и рано всѣ разошлись. На дру-

гой день

Около ужина вышла Ундина изъ хижины. Вы мнѣ

Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши

Длинные лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту.

Съ этимъ словомъ, захлопнула двери и скрылась.

А вечеръ

Былъ ненастень, вѣтеръ шумѣлъ и море сер-
дилось.

Въ страхъ рыбаки и рыцарь вскочили, вспомнивъ,
какъ въ первый

Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только

Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ
Ундина

Имъ навстрѣчу явилась сама. За мною! за мною

Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ
море;

Бочка и вѣрно съ виномъ лежитъ на пескѣ. За
Ундиной

Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно

Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатили

Къ хижинѣ: буря собиралась; сквозь сумерки было

Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя

Головы, дождь вызывая изъ тучъ; и тучи бѣжали

Шибко и шумно, какъ будто грозяся напасть на
идущихъ;

Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли.

Ундина

Вдругъ повернула головку и, пальчикъ поднявши,
сердито

Имъ погрозила тучъ и ей закричала: смотри ты,

Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до
дома.

Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися, Ундина,
грѣхъ! И умолкнувъ

Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако

За сухо все добрался до мѣста; но только
успѣли

Бочку подъ кровлю поставить и векрыть и отвѣ-
дать, какое

Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ,
зашатались

Съ скрыпомъ деревья, и море дико завывло. Но
бурю

Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками
снова

Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бѣседѣ

Прелестъ двойную давалъ огонекъ, всегда столь
пріятный

Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во
время

Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто
что вспомнивъ,

Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту,
сказалъ онъ:

Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь
надосугѣ

Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся;
а бѣдный

Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ и,
волнами

Брошенный Богъ вѣсть куда, лишень погребенья.
При этомъ

Словъ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула
кружку

Къ рыцарю. Пей, не бойся, она прошептала. Но
рыцарь

За руку взялъ старика и воскликнулъ: я честию
клянуся,

Еслибъ могли мы его отыскать и спасти, то
ночная

Буря мнѣ не была бы помѣхой; съ опасностью
жизни

Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣ-
щаюсь,

Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,

Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за пре-
красный

Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ
достался.

Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одо-
бренья;

Въ немъ успокоилась совѣсть и съ бѣльшимъ вку-
сомъ онъ дѣшилъ

Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: ты
денегъ

Сколько угодно можешь за это вино разсорить;
но бросаться

Въ воду и жизни своей не жалѣть.... вотъ это
ужь глупо

Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,

Милый, погибнешь? Не правда, не правда, ты
лучше съ Ундиной,

Здѣсь останешься? — Правда, Ундиночка, рыцарь
съ улыбкой

Ей отвѣчалъ. — Признайся жь, что глупо сказалъ
ты; вѣдь каждый

Самъ себя ближе; и что до другихъ намъ?... Ста-
рушка, услышавъ

Это, тяжело вздохнула; а добрый рыбакъ, нестер-
пѣвши,

Началъ кричать на Ундину: у Турковъ, у нехри-
стей что ли

Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за го-
рячку

Снова ты намъ говоришь, грѣховодница? Вдругъ
замолчавши,

Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ
прошептала:

Что же такое сказала я имъ? Ужъ и ты не сер-
дить ли,

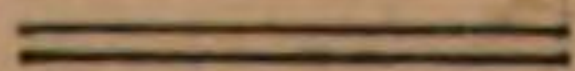
Милый мой рыцарь? Но рыцарь, пожавши ей руку,
расправилъ

Кудри, упавшія кольцами ей на глаза, и ни
слова

Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.

Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши
брови;

Добрыя четверть часа продолжалось это молчанье.

ГЛАВА VI.

О ТОМЪ , КАКЪ РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и
невольно

Вздрыгнули все, какъ будто недоброе что-то
почуя:

Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ дос-
тупъ разливомъ

Былъ огражденъ человѣку живому; кому же въ
такую

Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокой-
ствомъ смотрѣли

Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и по-
спѣшно

Рыцарь схватился за мечъ. Не поможетъ твой мечъ,
сотворивши

Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь творит-
ся надъ нами

То, о чемъ и подумать боюсь я. Но въ эту ми-
нуту

Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала
сердито:

Кто тамъ? Если, то ваши проказы, духи зем-
ные,

Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ порядкомъ
проучить.

Ще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.

Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а
рыцарь

Всталъ и хотѣлъ ужь Ундину спросить, но тутъ
изъ за двери

Голосъ сказалъ: я не духъ, человекъ, Христіанинъ;
впустите

Ради Господа Бога меня. При этомъ поспѣшно
Ундина

Дверь отперла и, поднявши ночникъ, во внутрен-
ность темной

Ночи стала свѣтить: престарѣлый священникъ сто-
ялъ тамъ.

Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приве-
денный

Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣд-
ной лачужкѣ

Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ иль дѣ-
ломъ бѣсовскимъ

Счелъ и воскликнулъ: съ нами Господь и пречи-
стая Дѣва!

Я не бѣсъ, засмѣявшись сказала Ундина; не
бойся;

Милости просимъ , отецъ ; войди , здѣсь добрые
люди.

Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился; пріятель
тенъ

Былъ онъ лицомъ ; веселая кротость сіяла во взорахъ.

Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распу-
щенныхъ

Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ

Капли : его промочило дождемъ. Въ боковую
каморку

Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ
Ундиной

Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благо-
дарнымъ

Чувствомъ услуги старикъ принималъ ; онъ, на-
дѣвъ рыбаково

Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ, и
снова

Всѣ за столомъ передъ свѣтлымъ каминомъ усѣлись;
старушка

Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина

Въ ноги ему свою скамѣйку подвинула. Рыцарь,

То увидя, шепнулъ ей шутливое слово ; но съ
важнымъ

Видомъ она отвѣчала: онъ Божій служитель; не
должно

Этимъ шутить. — Поужинавъ, добрымъ виномъ
подкрѣпивши

Силы свои, священникъ рассказывать началъ,
какимъ онъ

Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря,
вчерашнимъ

Утромъ покинулъ. Я былъ къ Епископу нашему
въ городъ

Посланъ, сказалъ онъ; хотя и есть по изгибу
залива

Путь, по моремъ ближе; и я съ гребцами надеж-
ными лодку

Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынче жъ по
утру въ обратный

Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а
къ ночи

Буря — и буря, какой мнѣ ни разу видать не слу-
чалось;

Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; без-
помощно

Были мы преданы морю, котораго волны какъ
щепку

Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и
несло насъ

Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну чер-
нѣлъ въ отдаленіи

Этотъ берегъ; ужь были мы близко; но бѣдную
лодку

Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ
повалилась

Съ страшнымъ шумомъ большая волна - и самъ я
не знаю,

Лодку ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,

Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не
дозволилъ

Мнѣ погибнуть.... я былъ принесенъ невредимо
на этотъ

Островъ. — Да, островъ, сказалъ со вздохомъ
рыбакъ; но давно ли

Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь,
что море

Съ нашимъ потокомъ бурлить заодно? — И самъ
я подумалъ

Что-то подобное, Патеръ сказалъ; когда я
тащился

Берегомъ вашимъ въ потьмахъ, предо мною мель-
кнула тропинка;

Я по ней и пошелъ; но эта тропинка исчезла

Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ
сверкнулъ мнѣ

Въ вашей хижинѣ свѣтъ и тотчасъ сюда повер-
нулъ я.

Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да и къ
добрымъ

Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за то ужъ
отнынѣ

Кромѣ васъ ни кого на земли не встрѣчать мнѣ;
отъ нынѣ

Въ этомъ углу весь міръ для меня заключенъ. —
По чему же?

Рыцарь спросилъ. — Да кто жъ, отвѣтствовалъ
Патеръ, узнаетъ

Скоро ли кончится эта война безпорядочныхъ
стихій?

Я же старъ, и силы мои конечно изсякнутъ

Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный потокъ;
да случиться

Можетъ и то, что дѣнь ото дня все шире и шире,

Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и вы
напоследокъ

Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ море, что
въ людяхъ

Даже и память объ васъ совсѣмъ пропадетъ; и
тѣмъ легче

Можетъ это случиться, что васъ отъ земли засло-
няетъ

Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ дикъ
и порывистъ,

Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не будетъ
возможно

Силы его одолѣть. — Сохрани насъ Господь и
помилуй,

Крестъ сотворивши, сказала старушка. — Чего
же, хозяйка

Такъ испугалась, рыбакъ возразилъ? Не то же ли
будетъ

Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья люд-
скія!

Развѣ не всё одни мы здѣсь жили? Ни разу во
столько

Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего лѣса.

Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты видала?

Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь Богъ
послалъ намъ

Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ раз-
лучится

Островъ нашъ съ твердой землею и люди о насъ
позабудутъ,

Намъ же прибыль. — Что правда, то правда, ска-
зала старушка;

Только признаться, мнѣ какъ то страшно подумать,
что вѣчно

Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что землѣ на-
всегда мы чужіе.

То услыша, Ундина прижалася къ Рыцарю,
жаркой

Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши глазки,

Полные острыхъ лучей, на него, на разпѣвъ про-
шентала:

„Ты останешься съ нами, ты останешься съ
нами.“

Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ какимъ то
видѣньемъ;

Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ундиной,
желаннымъ,

Найденнымъ счастьемъ жизни полный въ душѣ, не
разслушалъ

Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, оцѣвшей съ
нимъ рядомъ;

Мигъ насталъ роковой: священникъ своими сло-
вами

Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далъ и далъ за тем-
ный

Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ: а островъ цвѣ-
тущій,

Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжѣй, зеленѣй, все
пріютнѣй

Сердцу его становился: невѣста, какъ чистая
роза,

Тамъ разцвѣтала; и къ нимъ какъ будто бы свы-
ше былъ посланъ *

Божій священникъ : то явно было не случай. Къ
тому же

Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ поглядѣлъ
на Ундину

Въ ту минуту, когда, позабывъ о служителѣ цер-
кви,

Такъ беззаботно она къ нему приласкалась.
Ундину

Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ и
воскликнулъ :

Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во имя
Господне

Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти

Добрые люди. Рыбакъ и старушка весьма изуми-
лись.

Правда, имъ часто входило на мысль, что такая
развязка

Рано или поздно случиться должна; но объ этомъ
молчали

Даже другъ съ другомъ они; и въ это мгновеніе
было

Вовсе неожиданнымъ для нихъ предложеніе рыцаря.
Долго

Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина жъ

Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки потупила
въ землю.

Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ
и старушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка,
очистивъ
На скоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ,
отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во время
Оно на свадьбѣ ея зажжены; а рыцарь изъ звѣи-
евъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца, чтобъ
съ невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ
Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и
невѣстѣ:
Дайте руку другъ другу. Ундина, какъ будто про-
снувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и
руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала съ нимъ
рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ
ихъ духовный
Перекрестилъ; старики жъ молодую жену и Гуль-
бранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко
рыдая. Но въ этотъ

Мигъ священникъ сказалъ: вы странные люди! не
сами ль

Вы говорили, что этотъ островъ безлюдень, что
кромѣ

Васъ четверыхъ не живетъ ни кого здѣсь? А я
въ продолженье

Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это окошко,
въ широкомъ

Бѣломъ платѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за две-
рями

Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ, чтобъ впу-
стили. Спаси насъ

Дѣва Пречистая Божія Матерь, сказала старушка;

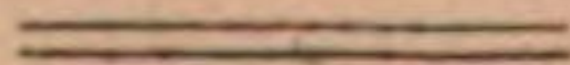
Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ
окошку

Бросился: не было тамъ ни кого; но что-то въ
потемкахъ,

Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелкнуло и скрылось.
Отецъ мой,

Ты ошибся, сказалъ онъ священнику. Всѣ без-
заботно

Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по прежнему
сѣли.

ГЛАВА VII.

**О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ СВАДЕБНЫЙ
ВЕЧЕРЪ.**

TABLA VII

O TOTA, VIO C33 ARDOR DE CAYEBUNA

INSTRUMENT

Смирно стояла Ундина во все продолженъе об-
ряда;

Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ буд-
то волшебной

Силой какой, что ни было въ ней и причудъ и
безпутныхъ

Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось; вдругъ
принялася

Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря,
не былъ

Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ.

Суровымъ

Словомъ хотѣла хозяйка шалунью унять, какъ быва-
ло; но рыцарь

Съ значущимъ взглядомъ назвалъ ее *своею женою*,

Та замолчала. И самъ онъ однако такимъ пове-
деніемъ

Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни
ласки

Ниже упрёки, ни что помочь не могло. Уни-
лась,

Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду

Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, ручен-
кой

Милой своею трепала его по щекѣ и шептала

На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но
снова

Съ первою взбалмошной мыслию то жъ начиналось
и пуще

Нежели прежде. Священникъ сказалъ напоследокъ:
Ундина,

Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту при-
личнѣй

Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ,
какъ съ душею

Даннаго Богомъ супруга свою сочетать хри-
стіански

Душу. — Душу? смѣясь закричала Ундина. Такое

Слово пріятно звучить; но много ли въ этомъ прі-
ятномъ

Звукъ смысла? А если кому души не досталось,

Что тому дѣлать! Еще сама я не знаю, была ли,

Есть ли душа у меня? — Оскорбленный глубоко
священникъ,

Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись,
Ундина

Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шеп-
нула: послушай,

Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ гру-
стно, такъ грустно,

Что я сказать не могу я; не будь же со мною
незлобнымъ,

Робкимъ созданьемъ такъ строгъ; напротивъ
того съ снисхождениемъ

Выслушай то, что хочу исповѣдать искреннимъ
сердцемъ.

Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ
Ундины;

Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и
и горько,

Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ
смотрѣли;

Что творилось съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣ-
докъ

Слезы обтерла она и священнику, въ сильномъ
волненіи

Сжавши, руки, сказала: отецъ мой, не правда ли,
ужасно

Душу живую имѣть? И не лучше ли, скажи мнѣ, не
лучше ли

Вѣчно пробыть безъ души?... Она замолчала, уста-
вивъ

Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ
поднялися

Съ мѣстъ, какъ будто дичася ее; не дождавшись
отвѣта,

Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: великое
бремя,

Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожи-
даньи

Грусть и тоска терзають меня; а до нынѣ мнѣ
было

Такъ легко, такъ свободно. Она опять зарыдала,

Скрыла въ ладони лице и, нагнувши головку,

Плакала горько, а свѣтлыя кудри, скатясь на пре-
красный

Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покры-
валомъ.

Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ ней священникъ;
Ундина, сказалъ онъ,

Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: исповѣдуй

Душу свою передъ нами, и, если таится въ ней
злое,

Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ. Смирнымъ мла-
денцемъ

Стала она передъ нимъ на колѣна, и, руки сло-
живши,

Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и
имя

Божіе славя, твердила, что не было зла никакого

Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратися къ
Гульбранду:

Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ

Самъ сочеталъ васъ; душею она безпорочна, но
много

Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ:
осторожность,

Твердость, любовь; остальное на власть милосерда-
го Бога

Съ вѣрой оставьте. Сказавъ, новобрачныхъ священ-
никъ

Перекрестилъ и вышелъ; за нимъ рыбакъ и стару-
шка,

Такъ же крестясь и молитву читая, вышли. Ун-
дина

Все еще на колѣнахъ стояла въ молчаньи; когда
же

Всѣ удалились, она потихоньку лицомъ оберну-
лась

Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало по малу, какъ
будто

Въ чувство входя, головку свою подняла и уныло

Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устре-
мила.

Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошеп-
тала

Робко она, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата?

Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему под-
нялися,

Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,

Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что
рыцарь

Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней
объятья;

Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ
руки Ундина,

Грудью прильнула ко груди его и на ней опѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

**О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ
СБАДЬБЫ.**

Свѣжій утренній лучъ разбудилъ новобрачныхъ ;
блаженствомъ

Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глу-
бокой

Думѣ молчалъ про себя; всю ночь онъ видѣлъ
какой-то

Станный, мучительный сонъ: все снилось ему,
что хотѣли

Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что
въ змѣевъ

Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались.
Проснувшись

Въ страхъ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво:
тутъ ли Ундина?

Нѣтъ ли въ ней какой перемены?.... Но было
все тихо,

Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ун-
дина

Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую
щеку

На руку; вольно дышала она и сквозь сонъ, какъ
журчанье,

Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-разкрывшимся
губкамъ.

Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но
въ другой разъ

Тотъ же сонъ; наконецъ засіяла заря и просну-
лися оба.

Сонъ рассказавши, рыцарь просилъ, чтобъ Унди-
дина простила

Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную
руку

Съ грустью она эту подала, и ни слова; но слад-
кій,

Полный глубокой любовью взглядъ, какого до-
толъ

Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ,
безотвѣтно

Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ,
и къ домашнимъ

Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча; на лицахъ ихъ
видно

Было, что тяжело тревожило ихъ ожиданье раз-
вязки;

Видно было, что внутренно Бога священникъ
молилъ: да поможетъ

Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро
явился

Съ яснымъ лицомъ новобрачный, то вмигъ и у
нихъ просіяли

Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ
небу

Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ
и Ундина

Вышла; они хотѣли пойти къ ней на встрѣчу, но
стали

Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незна-
кома

Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Свя-
щенникъ

Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ
руку, чтобъ дать ей

Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась

Въ землю и стала прощенья просить въ словахъ
безразсудныхъ,

Сказанныхъ ею вчера; потомъ примолвила: доб-
рый

Другъ, помолись о спасеньи моей души много-
грѣшной.

Вставши, она обняла стариковъ, и то, что ска-
зала

Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ
слуху

Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде пла-
няло

Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зары-
давши,

Стали молиться въ слухъ и ее называли небес-
нымъ

Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ
смиреньемъ

Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той ми-
нуты:

Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой,
въ то же

Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ
созданьемъ.

Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привык-
нувъ къ причудамъ

Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и
прежде,

Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обма-
нулись:

Ангеломъ тихимъ была Ундина. Священникъ, лю-
буясь

Ею, воскликнулъ: радуйтесь рыцарь; Господь ми-
лосердый

Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое
счастье;

Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей
жизни, когда вы

Чистымъ его сохраните. Господь помоги вамъ о-
боимъ.

Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина взяв-
ши Гульбранда

За руку, тихо его повлекла за собою на вольный

Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтъ на
зеленый

Дернъ сквозь деревья, за коими тихо горѣло

Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепе-
тало

Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листкахъ;
но казалось

Грустная тайна уста ей смыкала, порой выра-
жаясь

Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за
собою

Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, от-
вѣта

Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сер-
дечномъ

Взоръ цѣлое небо любви и смиренья лежало.

Такъ подошли напоследокъ они къ лѣсному по-
току.....

Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже мино-
вался;

Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. Онъ исче-
знетъ

Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;

Завтра кончится все, и тебѣ ужь препятствія болѣ,

Милый, не будетъ отъ селъ удалиться какъ скоро захочешь. —

Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ. — Это

Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.

Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же

Всею душею твоя, и навѣкъ. Но милый, послушай,

Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый

Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны

Было бѣ нетрудно туда проскользнуть; но, другъ, мнѣ такъ сладко

Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,

То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я

Здѣсь у тебя на груди. И разтроганъ, встревоженъ,

Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.

Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ,
на которомъ

Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опу-
стилъ онъ

Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься
съ ней рядомъ.

Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты
сидишь,

Милый, сказала она; хочу я прежде, чѣмъ сло-
вомъ

Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непри-
творныхъ

Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты
долженъ

Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ
созданья,

Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго
свойства.

Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ Саламан-
дры,

Чудные, рѣзвые, легкіе; въ нѣдрахъ земли, не-
приступныхъ

Свѣту, водятся хитрые Гномы; въ воздухѣ вѣютъ

Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населя-
ютъ

Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется

Тамъ, подъ звонкокристальными сводами; небо и
солнце

Свѣтять сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда
проницають;

Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ пурпуромъ
яркимъ,

Темнымъ сапфиромъ блистають плоды; тамъ гуля-
ешь по мягкимъ

Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ
пестрыхъ

Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ ми-
нувшихъ

Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряныхъ водъ
покрываломъ,

Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага
съ любовью

Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяныя ихъ
рядить,

Пышнымъ вѣнцемъ тростника ихъ сѣдыя главы
обвиваетъ.

Жители странъ водяныхъ обольстительно — милы,
прекраснѣй

Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ,
подглядѣвши

Дѣву морскую — когда, изъ воды подымаяся тай-
но,

Цѣла она и качалась на зыбкой волнѣ — повергался

Въ хладную влагу за нею. Ундилами чудныя
эти

Дѣвы слывуть у людей. И, другъ, ты теперь предъ
собою

Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину. — Гульбрандъ со-
дрогнулся;

Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ
какъ камень,

Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лице разскащицы
милой,

Силь не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,

Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ про-
должала:

Видомъ наружнымъ мы то же, что люди, быть мо-
жетъ и лучше

Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми;
покидая

Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и
тѣломъ и духомъ

Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ;
изъ праха

Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся

Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и
пылинкѣ.

Намъ души не дано; пока продолжается наше

Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ
умираемъ,

Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ въ мигъ
истребляютъ;

Веселы мы и насъ ни что не тревожитъ, какъ
птичекъ

Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу
благовонномъ.

Все однако стремимся возвыситься: такъ и отецъ
мой,

Сильный Царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго
моря,

Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую

Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею
и горе,

Всѣхъ одаренныхъ душею удѣлъ, меня не минуетъ.

Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ
только

Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый,
отъ нынѣ

Я съ душею навѣки; тебѣ одному благодарна

Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь, ко-
гда ты

Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Что
будетъ

Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но
обманомъ

Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты

Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты рѣшился,

Здѣлай это теперь же: одинъ перейди на про-
тивный

Берегъ; я брошусь въ этотъ потокъ: онъ мой
дядя; издавна

Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь,
какъ пустынный,

Розно съ родней и друзьями проводить. Онъ си-
ленъ и многимъ

Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ.
Принесъ онъ

Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня без-
заботнымъ,

Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ
отъ сюда

Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ,
живую

Душу пріившимъ созданьемъ, любящей, скорбящей
женою.

Далъ она говорить не могла; пораженный, плѣ-
ненный,

Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ, и вы-
несъ

На берегъ; тамъ передъ небомъ самымъ повторилъ
онъ обѣтъ свой:

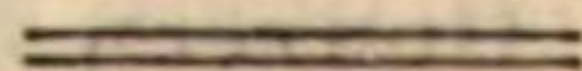
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлать все
земное.

Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись, медлительнымъ шагомъ

Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ

Благо святое души, престала жалѣть о прозрачномъ

Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

**О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ
ЖЕНА ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ.**

Александръ Александровичъ, князь,
генералъ-адъютантъ

генералъ-адъютантъ, князь,
генералъ

генералъ-адъютантъ, князь,
генералъ

генералъ-адъютантъ, князь,
генералъ

генералъ-адъютантъ, князь,
генералъ

генералъ-адъютантъ, князь,
генералъ

О томъ, какъ князь и его молодой

женъ отъбрали

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день,
весьма удивился,

Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ
началъ

Думать, что все, произшедшее съ нимъ въ послѣд-
нее время,

Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;

Сѣвши къ нему на постѣль, сказала она: я
ходила

Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣ-
щанье?

Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова

Лѣсомъ бѣжить одинокъ, невидимъ и задумчиво
шепчетъ;

Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ
онъ, и стало

Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по прежнему,
можемъ

Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь.

Съ какимъ-то

Станнымъ чувствомъ, похожимъ на робость, слу-

шаль Ундину

Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.

Но Ундина своею тихою прелестью снова

Сладкій покой возвратила ему и, любуясь вмѣ-
стѣ

Съ нею зеленою берега, такъ свѣжо, такъ про-
зрачно

Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: для
чего же

Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужь вѣрно не
встрѣтимъ

Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насла-
дились

Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не
гонитъ.

Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказа-
ла съ покорнымъ

Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ раз-
лучаться со мною

Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины,

Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и
все имъ

Минтся еще, что смиренье мое не надежнѣй
покою

Водъ, и меня легко позабудутъ они, какъ весен-
нѣй

Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако;
дай же,

Милый, въ тотъ мигъ, какъ на вѣкъ на землѣ
намъ должно разстаться,

Скрыть мнѣ отъ нихъ тобою сотворенную, вѣрную
душу.

Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль
умѣть я

Такъ притвориться, чтобъ имъ моя не открылася
тайна?

Рыцарь былъ убѣжденъ, и въ мигъ собралися въ
дорогу;

Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ
ними

Въ городъ итти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ
Ундинѣ

Свѣтъ помогъ на сѣдло. Обнялися; разсталися;
Ундина

Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и ста-
рушка

Были голосомъ, глядя за нею въ слѣдъ, и какъ
будто

Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту
минуту

Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ
подвигались

Путники. Гущи лѣсной ужь достигли они, и пре-
красно

Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ
пышно

Гордомъ конѣ, молодую, робкую всадницу, справа

Старого Патера въ бѣлой одѣждѣ, а съ лѣва, въ
богатствѣ

Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно
чащей

Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину

Видѣлъ; Ундина жь влажныя очи свои въ упо-
еньи

Новой души на него одного устремляла, и скоро

Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ
нѣжныхъ

Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прер-
ванъ какимъ-то

Шепотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ
кто-то четвертый,

Къ нимъ недавно приставшій. Онъ - то шепталъ.
Какъ священникъ

Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лице закрывалось
какимъ-то

Станнымъ , широкимъ покровомъ, коего складки,
какъ волны,

Падали съ плечъ и станъ обвивали; и онъ без-
престанно

Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вер-
тѣлся,

Прыгалъ; но это ему ни идти, ни болтать не
мѣшало.

Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда
молодые

Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно, давно, пре-
подобный,

Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится,
монахомъ;

Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ
любо

Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ,
волнистомъ

Платѣ подъ тѣнью густою рагуливать. Часто и
солнце

Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я
кустами

Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что
сердце

Прыгаетъ... - Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ
священникъ,

Я бы желалъ покороче узнать васъ. — А ты кто,
когда ужъ

Дѣло у насъ пошло на распросы, сказалъ незнако-
мецъ? —

Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской пусты-
ни. — Дѣльно;

Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыва-
тель;

Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ
птица;

Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако

Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ.
Съ этимъ

Словомъ онъ прынулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ,
и подлѣ

Уха ея очутилась его голова. Но Ундина

Въ страхъ его оттолкнула, воскликнувъ: поди
поскорѣ

Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь. — О! о! да
какая жъ

Замужемъ стала она спѣсивая! съ нами роднею

Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ пожа-
луй, не я ли,

Дядя твой Струй, малютку тебя, на спинѣ изъ
подводной

Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла? —
Оставь насъ,

Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;

Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ
мой дичиться

Станетъ меня, какъ скоро увидить съ такою
роднею. —

Здѣсь я не даромъ; хочу приводить васъ, иначе
едва ли

Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А
этотъ

Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто

Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и
конечно

Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прынулъ волною,

Вырвалъ его изъ нее и на берегъ вынесъ, чтобъ
свадьбу

Можно было сыграть вамъ. — Ундина и рыцарь
при этомъ

Словъ взглянули на Патера: шель онъ, какъ
будто въ глубокий

Сонъ погруженный, не слыша того, что въ близи
говорилось.

Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядъ Ундина,

Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; про-
стимся

Съ миромъ; изчезни. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ
такую

Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что

Ундина

Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и
хотѣлъ имъ

Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водо-
пада

Съ свистомъ хлеснулъ, и въ водѣ какъ будто шипя-
щій

Хохоть раздался; рыцаря обдало пѣной холод-
ной.

Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: я предвидѣлъ
что это

Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ
близко; и все мнѣ

Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой чело-
вѣкъ и какъ будто

Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо
внятно

Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь,
ты бодрый

Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не
сердиты

Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,

Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну. и
волшебный

Шопоть, какъ ропоть волны, разлетѣвшейся въ
въ брызги, умолкнулъ.

Кончился лѣсъ и вышли въ поле они; тамъ Им-
перскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго
солнца.

ГЛАВА X.

О томъ, какъ два жителя Имперской

Горы

ГЛАВА X.

**О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ИМПЕРСКОМЪ
ГОРОДѢ.**

ТВАХ Х

О ТОМЪ КАРЪ ОНЪ ЖЕНЪ ВЪ ПИРЪСКОМЪ

ЛОДО

Въ этомъ Имперскомъ городѣ всѣ почитали погиб-
шимъ

Нашего рыцаря, всѣ сожалѣли о немъ, а Бер-
тальда

Болѣ другихъ; она себя признавала причиною

Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце, и милый

Рыцаревъ образъ глубоко въ него впечатленъ
былъ печалью.

Вдругъ онъ явился живой и женатый, а съ нимъ и
свидѣтель

Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ неждан-
нымъ

Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ волненье; пре-
лестъ Ундины

Всѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что въ лѣсу
изъ подъ власти

Злаго волшебника рыцарь избавилъ ее, что по-
роды

Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любо-
пытныхъ

Рыцарь отвѣтствовалъ глухо, Патеръ же былъ на
разказы

Скупъ, да и скоро въ свой монастырь возврати-
ся онъ; словомъ

Мало по малу толки утихли; одной лишь Бер-
тальдъ

Было грустно: скорбя о погибшемъ, она по не-
воль

Сердцемъ привыкла къ нему и его *своимъ* назы-
вала.

Скоро однако она одолѣла себя; отъ природы

Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое
долго

Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомы-
сліе было

Вѣрнымъ лѣкарствомъ. Ундину ласкала она, а
Ундинъ,

Простосердечной, доброй Ундинъ болѣ и болѣ

Правила милая, полная прелести сверстница.
Часто

Ей говорила она: мы вѣрно съ тобою, Бер-
тальда,

Какъ нибудь были прежде знакомы, иль чудное
что-то

Есть между нами; не лзя же, чтобъ кто безъ при-
чины, безъ сильной,

Тайной причины, могъ такъ кому полюбиться,
какъ ты мнѣ

Вдругъ полюбилась съ перваго взгляда. И въ серд-
цѣ Бертальды

Что-то подобное было, хотя его и смущала

Зависть порою. Какъ бы то ни было, скоро другъ
съ другомъ

Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но
рыцарь

Былъ готовъ ужъ въ замокъ Рингштетенъ, къ
истокамъ Дуная,

Вхвать, и день разлуки, можетъ быть вѣчной раз-
луки,

Былъ не далеко; Ундина грустила; и вотъ ей на
мысли

Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ
замокъ Рингштетенъ

Могутъ они увести, что на то Герцогиня и
Герцогъ

Вѣрно по просьбѣ ея согласятся. Однажды объ
этомъ

Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали.
Былъ теплый

Лѣтній вечеръ, по темной площади города вмѣ-
стѣ

Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;

Въ окнахъ домовъ сверкали огни; передъ ними
ходили;
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ,
сѣянье
Музыки, пѣнья, хохота, крика дѣтей наполняли
Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ на-
поенъ былъ
Весь благовоніемъ липъ, вокругъ городского фон-
тана
Густо насаженныхъ. Здѣсь, отъ шутной толпы въ
отдаленіи,
Близъ водоема стояли они, вивая прохладу
Брызжущихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любясь
на влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ
вѣющій, легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ много-
людствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь
труднымъ,
Сладилось само собой безъ труда въ тишинѣ
миротворной
Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда
поѣдетъ
Въ замокъ Рингштетенъ. Но въ ту минуту, когда
назначали

День отъѣзда они, подошелъ къ нимъ, какъ будто
изъ мрака

Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человекъ,
поклонился

Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундиѣ, и что-то

На ухо ей прошепталъ. Ундина, нахмуривши
бровки,

Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался меж-
ду ними

Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ;
а Гульбранду

Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то
встрѣчался;

Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь

Былъ какъ въ чадѣ, и все съ безпокойствомъ
смотрѣлъ на Ундину.

Вдругъ Ундина, захлопавши съ радостнымъ кри-
комъ въ ладоши,

Кинулась прочь и блаженствомъ глазки сверкали;
съ досадой

Сморщивши лобъ и сѣдой покачавъ головой, не-
знакомецъ

Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ въ мигъ и пропалъ. Тутъ
рѣшилось сомнѣнье

Рыцаря. Что, Ундина, съ тобою смотритель фон-
тановъ

Здѣсь говорилъ, спросила Бертальда? Съ таинствен-
нымъ видомъ

Ей головкой кивнула Ундина. „ Въ твои именины

Послѣ завтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой
милый,

Милый другъ; я тебя и твоихъ приглашаю на
этотъ

Праздникъ къ себѣ. „ Другаго отвѣта не было. Скоро

Послѣ того они проводили Бертальду и съ нею
простились.

Струй? спросилъ съ содроганьемъ невольнымъ
рыцарь Ундину,

Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ передъ
Герцогскимъ домомъ.

Онъ, отвѣчала Ундина; премножество всякаго
вздора

Мнѣ наказыль; но, между прочимъ, открыль и
такую,

Нехотя, тайну, что я себя не помню отъ счастья.

Если велишь мнѣ все рассказать сію же минуту,

Я исполню приказъ твой; но, милый, Ундицѣ
большая

Радость была бы, когда бъ ей теперь промолчать
ты позволилъ.

Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли
было

Въ чемъ отказать Ундинѣ, столь мило просящей?

И сладко

Было ей въ ту ночь засыпать; она, забываясь

Сномъ, потихоньку сама про себя съ улыбкой
шептала:

Ахъ, Берта! какъ будетъ рада! какое намъ
счастье!

ГЛАВА XI.

**О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ИМЕНИНАХЪ
БЕРТАЛЬДЫ.**

IX ABAA XI

U. S. DEPARTMENT OF AGRICULTURE

REPORT

Гости ужь были давно за столомъ, и Бертальда,
царица

Праздника, въ золотѣ, перлахъ, цвѣтахъ, пода-
ренныхъ друзьями

Ей въ именины, сидѣла на первомъ мѣстѣ, Ундина

Съ правой руки, а рыцарь съ лѣвой. Обѣдъ ужь
кончался;

Подали сласти; дверь была отперта; въ ней тѣсни-
лось

Множество зрителей всякаго званья; таковъ былъ
старинный

Предковъ обычай: каждый праздникъ тогда почи-
тался

Общимъ добромъ, и народъ всегда пировалъ съ
господами.

Кубки съ виномъ и закуски носили межъ зрителей
слуги;

Было шумно и весело; рыцарь Гульбрандъ и Бер-
тальда

Глазъ не сводили съ Ундины; они съ живымъ
нетерпѣньемъ

Ждали, чтобъ тайну открыла она; но Ундина мол-
чала ;

Было замѣтно, что съ сердца ея и съ устъ, оза-
ренныхъ

Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться ;

Но (какъ ребенокъ, любимой кусокъ свой къ кон-
цу берегущій),

Все молчала она, чтобъ продлить для себя на-
слажденье.

Рыцарь смотрѣлъ на нее съ неописаннымъ чув-
ствомъ ; Ундина

Въ дѣтской своей простотѣ, съ своимъ доброду-
шіемъ прелестъ

Ангела Божія въ эту минуту имѣла. Вдругъ гости

Стали ее убѣждать, чтобъ спѣла имъ пѣсню: Свер-
кнули

Ярко ея прекрасные глазки; поспѣшно схватила

Цитру и вотъ какую пѣсню тихо запѣла :

„ Солнце сіяетъ; море спокойно; къ берегу съ лю-
бовью

„ Воды тѣсняются. Что на душистой зелени брега

„Свѣтитса, блещеть? Цвѣтъ ли чудесный, послан-
ный небомъ

„Свѣжему лугу? Нѣтъ, свѣтлоокій, ясный младе-
нецъ

„Тамъ на зеленомъ дернѣ играетъ. Кто ты,
откуда,

„Милый младенецъ? Какъ очутился здѣсь на чуж-
бинѣ?

„Ахъ! изъ отчизны былъ онъ украденъ моремъ
коварнымъ.

„Бѣдный, чего жъ ты между цвѣтами съ жадностью
ищешь?

„Цвѣтъ благовонный живъ, но безъ сердца; онъ
не услышитъ

„Дѣтскаго крика; онъ не замѣнитъ матери нѣжной.

„Лучшаго въ жизни рано лишень ты, бѣдный
младенецъ.

„Мимо проѣхалъ съ свитою Герцогъ; въ пышный
свой замокъ

„Взялъ онъ сиротку; тамъ Герцогиня благостнымъ
сердцемъ

„Бѣдной сироткѣ мать замѣнила. Стала сиротка

„Дѣвою милой, радостью сердца, прелестью взо-
ровъ;

„Милую дѣву Промыселъ Божій щедро осыпалъ

„Всѣмъ.... но отдасть ли лучшее въ жизни, мать и
отца ей?“ —

Съ грустной улыбкой цитру свою опустила Ун-
дина ;

Пѣсня ея разстрогала всѣхъ, а Герцогъ съ женою

Плакали. Герцогъ сказалъ : такъ точно случилось
въ то утро,

Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердый

Богъ награди насъ тобою; но права пѣвица,
не можемъ

Лучшаго блага земнаго тебѣ возвратить мы, ро-
дную

Мать и роднаго отца. Ундина снова запѣла :

„Мать тоскуетъ, бродить, кличетъ... нѣтъ ей отвѣта;

„Ищетъ, ищетъ, что жъ находить? домъ опустѣлый.

„О какъ мраченъ, какъ ужасенъ Домъ опустѣлый,

„Гдѣ до толъ днемъ и ночью, мать въ упоеньи

„Цѣловала, миловала дочку родную!

„Будетъ снова заниматься ярко денница,

„Придутъ снова дни весенни, благоуханны,

„Но денница, дни весенни благоуханны

„Не утѣшать боль сердца матери бѣдной;

„Все ей чуждо; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ей от-
рады;

„Невозвратно все пропало съ дочкой родною.“—

О Ундина! ради Бога открой мнѣ! ты знаешь,

Гдѣ отецъ мой и мать; ты этотъ, этотъ пода-
рокъ

Мнѣ приготовила. Гдѣ они? Здѣсь? Отвѣчай мнѣ
Ундина.

Взоръ Бертальды, сверкая, леталъ по собранью;
межъ знатныхъ,

Съ ними сидѣвшихъ гостей выбирала она. Но
Ундина

Вдругъ залилася слезами, къ толпѣ обратилась,
рукою

Знакъ подала, и воскликнула: гдѣ вы? Явитесь,

Найденной дочери вашей, отецъ и мать! — Разсту-
пилась

Съ шумомъ толпа; изъ середины ея рыбакъ и ста-
рушка

Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.

Вотъ она, ваша родная дочь! закричала Ундина,

Имъ указавъ на Бертальду; и съ громкимъ рыданьемъ
на шею

Бросились къ ней старики; но Бертальда съ прен-
зительнымъ крикомъ

Ихъ отъ себя оттолкнула; страхъ, изумленье,
досада

Вдругъ на лицѣ ея отразились. Какой нестер-
пимый,

Тяжкій ударъ для ея надмѣнной души, ожи-
давшей

Новаго блеска съ открытіемъ знатныхъ родителей!
Кто же?

Кто же эти родители? Нищія!... Въ эту минуту

Въ мысль ей пришло, что все то придумано хи-
тро Ундиной

Съ тѣмъ, чтобъ унижить ее передъ свѣтомъ и
рыцаремъ. Злая

Ложь! обманщица! подкупъ! вотъ что твердила
Бертальда,

Гнѣвно смотря на старушку, на мужа ея и Ун-
дину.

Господи Боже! тихонько старушка шептала,
какое жъ

Злое созданье стала она! а все таки сердце

Чуеть мое, что она мнѣ родная. Рыбакъ же, сло-
живши

Руки, молился, чтобъ Богъ не казнилъ ихъ, по-
славъ имъ такую

Дочь; а Ундина, какъ Ангелъ, вдругъ утратившій
небо,

Блѣдная, въ страхъ незапномъ, не вѣдая, что
съ ней

Дѣлалось, вся трепетала. Опомнись, Бертальда!
Бертальда,

Есть ли душа у тебя? она повторяла, стараясь

Доброе чувство въ ней возбудить; но напрасно;
Бертальда

Точно была внѣ себя; она въ изступленьи кри-
чала

Крикомъ; рыбакъ и старушка плакали горько, а
гости,

Станнымъ явленьемъ такимъ изумленные, начали
шумно

Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; въ
ужасный

Все пришло безпорядокъ, и вотъ напоследокъ,
Ундина,

Съ чувствомъ своей правоты, съ благородствомъ
невинности мѣрной

Знакъ подала рукою, и всѣ замолчали. Смиренно,

Тихо, но твердо сказала она: вы странные люди!

Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ раздражила я васъ? И

за что вы

Такъ разстроили милый мой праздникъ? Ахъ Боже!

донынѣ

Я о вашихъ обычаяхъ, вашемъ безумномъ, жесто-

комъ

Образъ мыслей не знала, и ихъ никогда не узнать

мнѣ.

Вижу, что все безразсудно придумано мной; но

причиной

Этому вы одни, а не я. Хотя здѣсь наружность

Вся на меня; но вы знайте: то, что сказала я,

правда.

Нѣтъ у меня доказательствъ; но я не обманщица,

слышать

Богъ правосудный меня; а все, что здѣсь о Бер-

тальдѣ

Я говорила, было открыто мнѣ тѣмъ, кто въ

морскія

Волны младенцемъ ее заманилъ, потомъ на зе-

леный

Берегъ отнесъ, гдѣ ее и нашелъ знаменитый нашъ

Герцогъ. —

Слышите - ль? громко вскричала Бертальда. Она
чародѣйка,

Водится съ злыми духами; сама при всѣхъ при-
знается

Въ этомъ она. — О нѣтъ, Ундина воскликнула
съ чистымъ

Небомъ невинности въ мирныхъ очахъ, никогда
чародѣйкой

Я не была; мнѣ невѣдомо адское зло. — Такъ
безстыдно

Лжетъ и клевететь она. Ни чѣмъ не лзя дока-
зять ей

Здѣсь, что рыбакъ отецъ мнѣ, а нищая мать. О
покинемъ

Этотъ домъ и этотъ городъ, гдѣ я претерпѣла

Столько стыда. — Нѣтъ, Бертальда, отвѣтствовалъ
Герцогъ, отсюда

Я дотолѣ не выду, пока не рѣшится сомнѣнье

Наше вполне. То слыша, старушка приблизилась
робко

Къ Герцогу, низко ему поклонилась и вотъ что
сказала:

Вы, Государь, своимъ высокимъ Герцогскимъ сло-
вомъ

Вдругъ на разумъ меня навели. Скажу вамъ, что
если

Ваша питомица подлинно дочь намъ, то должно,
чтобъ были

Три родимыхъ пятна, какъ трилиственникъ видомъ,
подъ правой

Мышкой ея и точно такія же три на подошвѣ

Правой ноги. Позвольте, чтобъ съ нею я вышла.

Отъ этихъ

Словъ поблѣднѣла Бертальда, а Герцогъ велѣлъ
Герцогинѣ

Выйти вмѣстѣ съ нею и взять съ собою старушку.

Скоро назадъ возвратились они; Герцогиня ска-
зала:

Правда правдой; все то, что здѣсь объявила
хозяйка

Наша, есть сущая истина: эти добрые люди

Точно отецъ и мать питомицы нашей Бертальды.

Съ этимъ словомъ Герцогъ съ женой и съ Бер-
тальдой и вмѣстѣ

Съ ними, по волѣ Герцога, старый рыбакъ и
старушка

Вышли; гости, кто вѣря, кто нѣтъ, разошлись; а
Ундина,

Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія
мужа.

ГЛАВА XII.

**О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И УНДИНА УЪХАЛИ
ИЗЪ ИМПЕРСКАГО ГОРОДА.**

ТЪАНА XII

О ТОНЪ, КАЗЪ ПОНЪТЪ И ДЪАНА ДЪАНА

НАДЪ НАПЪРКАТО ТОНЪ

Рыцарь съ глубокимъ чувствомъ любви смотрѣлъ
на Ундину.

Мною ль, онъ думалъ, дана ей душа иль нѣтъ, но
прекраснѣй

Этой души не бывало на свѣтѣ: она какъ небес-
ный

Ангель. И слезы Ундины съ нѣжнѣйшимъ участіемъ
друга

Онъ отиралъ, цѣлуя ей очи, уста и ланиты.

Городъ Имперскій, который ей сталъ не навистенъ,
покинуть

Онъ рѣшился немедля, и все велѣлъ приготовить

Къ скорому въ замокъ Рингштеттенъ отъѣзду. Вотъ
на другой день

Рано по утру была подана къ крыльцу ихъ по-
возка;

Рыцаревъ конь и кони его провожатыхъ за нею,

Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; ужъ
рыцарь

Вышелъ съ своей молодою женой , и готовъ былъ
ей руку

Дать, чтобъ въ повозку ее посадить ; но въ эту
минуту

Къ нимъ подошла молодая дѣвушка съ неводомъ,
въ платьѣ

Рыбной торговли. Намъ товаръ твой не нуженъ,
мы ѣдемъ,

Рыцарь сказалъ ей. Она заплакала въ рыдъ и Бер-
тальду

Въ эту минуту узнали Гульбрандъ и Ундина ; по-
спѣшно

Вмѣстѣ съ нею они возвратились въ домъ, и Бер-
тальда

Имъ рассказала , какъ Герцогъ , вчерашнимъ ее
поведеньемъ

Былъ раздраженъ , какъ ее отъ себя отослалъ,
подаривши

Ей большое приданое, какъ старикъ и старушка,

Также богато имъ одаренные, городъ того же

Вечера вмѣстѣ покинули. Съ ними хотѣла пойти и,

Такъ продолжала Бертальда въ слезахъ, но старикъ,
о которомъ

Всѣ говорятъ, что онъ мой отецъ.... Онъ отецъ
твой, Бертальда ,

Точно отецъ, сказала Ундина; ты помнишь, какъ
ночью

Къ намъ подошелъ съдой человекъ, твой смотри-
тель фонтановъ:

Онъ-то мнѣ все и сказалъ; меня убѣждалъ онъ,
чтобъ въ замокъ

Нашъ Рингштеттенъ тебѣ не брала я съ собой, и
невольно

Тайна съ его языка сорвалась.... Ну, отецъ мой,
когда ужъ

Долженъ онъ быть мнѣ отцемъ, продолжала Бер-
тальда, сказалъ мнѣ

Вотъ что: ты съ нами не будешь до тѣхъ поръ,
пока не исправишь

Гордаго сердца; осмѣлся одна чрезъ этотъ дре-
мучій

Лѣсъ къ намъ пройти, тогда я повѣрю, что нашей
роднею

Быть желаешь; но скинь богатый уборъ; рыба-
ковой

Дочерью къ намъ явися.... И я на все ужъ
рѣшилась;

Что онъ велѣлъ, то и будетъ; меня несчастную
цѣлый

Свѣтъ оставилъ; бѣдная дочь рыбака, я въ убогой

Хижинѣ жизнь безотрадную скрою и скоро умру
тамъ

Съ горя. Правда, лѣсъ волшебный меня устра-
шаетъ,

Бродятъ тамъ, слышно, духи, а я такъ пуглива;
но что же

Дѣлать? Къ вамъ же пришла я за тѣмъ, чтобъ
загладить вчерашній

Свой проступокъ признаньемъ вины; о забудьте,
простите!

Я и такъ ужъ несчастна безмѣрно; вспомните
что я

Утромъ вчерашнимъ была, что была еще при на-
чалѣ

Вашего пира, и что я теперь.... Опустивши въ
ладони

Голову, плакала горько она, и межъ пальцевъ
бѣжали

Слезы. Вся такъ же въ слезахъ, къ ней на шею
упала Ундина,

Долго безгласна была; напоследокъ сказала: ты
съ нами

Въ замокъ Рингштеттенъ поѣдешь; что поло-
жили мы прежде,

То и здѣлаемъ; только ты будь со мной, какъ
привыкла

Быть; говори мнѣ по прежнему ты. Вотъ видишь
ли? Въ дѣтствѣ

Насъ обмѣняли одну на другую; тогда ужъ мы
были

Связаны тѣсно судьбою; сплетемъ же узелъ тотъ
сами

Такъ, чтобъ уже никакой человѣческой силъ

Не было можно его разорвать. Теперь ты поѣдешь

Съ нами прямо въ Рингштеттенъ; что жъ послѣ,
какъ сестры родныя,

Мы межъ собою раздѣлимъ, о томъ успѣемъ, прѣ-
хавъ

Въ замокъ, условиться. То услышавъ, Бертальда
взглянула

Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не
меньше

Жаль и ему; и, руку подавъ ей, вотъ что сказалъ,
онъ :

Ввѣрьте себя беззаботно сердцу Ундины. А къ
вашимъ

Добрымъ родителямъ мы, по прибытіи въ замокъ,
отправимъ

Тотчасъ гонца, чтобъ знали они, что сдѣлалось
съ вами.

Подъ руку взявши Бертальду, ее посадилъ онъ въ
повозку,

Рядомъ съ нею Ундину, и бодро поѣхалъ за ними

Рысью и скокомъ. Повозка летѣла: скоро Импер-
скій

Городъ пропалъ далеко назади, съ нимъ вмѣстѣ
пропало

Тамъ и все грустное прошлое; и весело шла по
прекрасной

Людной странѣ ихъ дорога, и мало ли долго ли
длился

Путь ихъ, но вотъ напоследокъ въ одинъ прекра-
снѣйшій лѣтній

Вечеръ они пріѣхали въ замокъ Рингштеттенъ.
Быль долженъ

Рыцарь заняться хозяйствомъ своимъ; моладая жъ
хозяйка

Вмѣстѣ съ гостей пошли осматривать замокъ.
Построенъ

Быль на крутой онъ горѣ посреди равнинъ бла-
годатной

Швабін: видъ изъ него былъ роскошной; и по валу
вмѣстѣ,

За руки взявшись, гуляли Ундина съ Бертальдою;
вдругъ имъ

Встрѣтился долгій, сѣдой человѣкъ; Бертальдъ
знакомы

Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурилась,

Знакъ ему подала, чтобъ онъ удалился, и скорымъ

Шагомъ, тряся головой, онъ пошелъ и пропалъ
за кустами,

Въ мысли пришло ей, что то ночной, городской
ихъ знакомецъ

Былъ, смотритель фонтановъ. Не бойся, Бертальда,
сказала

Ей Ундина, ужъ въ этотъ разъ твой несносный
фонтанщикъ

Зла никакого не сдѣлаетъ намъ. Тогда расска-
зала

Все о себѣ Ундина: кто родомъ она, какъ Бер-
тальду

Струй похитиль, какъ къ рыбакамъ попала Ундина

Вмѣсто родной ихъ дочери, словомъ, все. И сначала

Въ ужасъ Бертальда пришла отъ такого разсказа;
на сонный

Бредъ походилъ онъ; но скоро она убѣдилась,
что было

Все то правда и только дивилась тому, что въ
волшебной

Сказкѣ, когда-то въ дѣтствѣ разсказанной ей,
очутилась

Вдругъ на яву, живая, сама; все ей въ Ундинѣ

Стало чуждо; какъ будто-бы духъ безтѣлесный
межъ ними

Вдругъ протѣснился; ей сдѣлалось страшно. Ког-
дажъ, возвратяся,

Рыцарь съ нѣжностью обнялъ Ундину, то было
понять ей

Трудно, какъ могъ онъ ласкаться къ такому
созданью, въ которомъ

(Послѣ того, что Бертальдъ сама рассказала Ун-
дина)

Видѣлся ей не живой человѣкъ, а какой то холо-
дный

Призракъ, что-то нездѣшнее, что-то чужое душѣ
человѣка.

ГЛАВА XIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ЗАМКЪ

РИННГШТЕТЕНЪ.

TABLE XII

OF THE RAILROADS OF THE STATE

FOR THE YEAR 1887

Здѣсь мы съ тобой остановимся, добрый читатель;
прости мнѣ,
Если тебѣ о томъ, что послѣ случилось, не много
Буду рассказывать; знаю, что можно бы было
подробно
Мнѣ описать, какъ мало по малу рыцарь нашъ
сердцемъ
Сталъ отъ Ундины далекъ и близокъ къ Бертальдѣ,
какъ стало
Сердце Бертальды ему отвѣчать и часъ отъ часу
жарчѣ
Тайной любовью къ нему разгораться, какъ стали
Ундины
Онъ и она дичиться и въ ней существо, имъ
чужое,
Видѣть, какъ Ундина плакала, какъ пробуждали
Слезы ея заснувшую совѣсть Гульбранда, а пре-
жней

Въ немъ любви уже пробудить не могли, какъ
порою

Жалость его къ Ундинѣ влекла, а ужасъ невольно

Прочь отталкивалъ, сердце жъ стремило къ Бер-
тальдѣ, созданью

Съ нимъ однородному..... знаю, что это все я
умѣлъ бы,

Добрый читатель, порядкомъ тебѣ рассказать; но
позволь мнѣ

Лучше о томъ позабыть, что такъ больно душѣ;
испытали

Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья; ты самъ,
вѣроятно,

Былъ имъ обманутъ, таковъ ужъ земной челове-
ческій жребій.

Счастливъ еще, когда при раздѣлѣ житейскаго
былъ ты

Самъ назначень терпѣть, а не мучить; на свѣтѣ
семъ доля

Жертвы блаженнѣй, чѣмъ доля губителя. Если
сей лучшій

Жребій былъ твой, читатель, то можетъ быть,
слушая нашу

Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ миновав-
шемъ, и тихо

Милая грусть тебѣ черезъ душу прокрадется, снова

То, что прошло, оживетъ, и ты слезу сожалѣнья

Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ любовался

Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужъ разстоптанныхъ. Полно жъ,

Полно объ этомъ, читатель. Послушай, и съ доброй Ундиной

Тоже сбылось, что и съ нами со всѣми: Ундина страдала.

Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы. Всякой

Разъ, когда Ундина хоть мало была не согласна

Въ чемъ съ Бертальдой, послѣдней казалось, что ревность владѣла

Сердцемъ обиженной бѣдной жены; и мало по малу

Видъ госпожи, причудливо - грубой и гордой, Бертальда

Съ ней приняла; Ундина съ грустнымъ незлобіемъ, молча,

Все сносила; а рыцарь всегда стоялъ за Бертальду.

Болѣ жъ всего съ недавняго времени вотъ что согласье

Жителей замка стало мутить: Гульбрандъ и Бертальда

Начали вдругъ на всѣхъ переходахъ, во всѣхъ
закоулкахъ

Замка встрѣчать привидѣнья, о коихъ дотолѣ и
слуху

Не было; бѣлый, сѣдой человѣкъ, въ которомъ
проказникъ

Дядя Струй Гульбрандомъ, смотритель фонтановъ
Бертальдой

Узнаны были, сталъ имъ по всюду обоемъ, Бер-
тальдѣ жъ

Чаще, являться съ угрозой, такъ, что Бертальда
отъ страха

Стала больна и даже рѣшилась бы замокъ поки-
нуть,

Если бѣ имѣла гдѣ уголь какой для пріюта; но
честный

Нашъ рыбакъ на письмо Гульбранда, которымъ
тогда же

Рыцарь его извѣстилъ, что Бертальда ѣдетъ въ
Рингштеттенъ,

Вотъ что отвѣтствовалъ:,, я по волѣ Господа Бога

,, Сталъ одинокій, бѣдный вдовецъ; скончалась
старушка

,, Женка моя; хотъ теперь мнѣ дома и пусто, но
лучше

,, Быть хочу я одинъ, чѣмъ съ Бертальдой; пускай
остается

„Съ вами, не только, чтобъ не было худа какого

Ундишь

„Милой моей отъ того; тогда ее проклянута.“

Такъ то, сколько неволей, столько и волей,
осталась

Въ замкъ Бертальда. Вотъ однажды случилось, что
рыцарь

Выѣхалъ; скликавъ дворовыхъ людей, Ундина
велѣла

Камень одинъ огромный поднять и его на коло-
дезь,

Бывшій на самой среднѣ двора, наложить. Намъ
далеко

Будеть ходить за водою, замѣтили слуги. Но съ
грустнымъ,

Ласковымъ видомъ, съ унылой улыбкой сказала
Ундина :

Дѣти, сама бы за васъ я съ охотою стала въ кув-
шинахъ

Воду носить; но этотъ колодезь, повѣрьте мнѣ,
должно,

Должно закрыть намъ, запереть, иль съ нами случит-
ся большое несчастье.

Всѣ служители были рады угодное сдѣлать

Доброй своей госпожѣ; безъ дальныхъ распросовъ,
огромный

Камень былъ поднять; и онъ, показалось, какъ
будто-бы доброй

Волей давшись имъ въ руки, съ земли поднялся, и
какъ будто

Самъ рванулся колодезь задвинувъ. Но въ эту
минуту

Къ нимъ прибѣжала изъ замка Бертальда. Не
троньте колодца,

Громко она закричала; его вода умываньемъ

Лучшимъ мнѣ служить; его запереть ни какъ не
позволю.

Но Упдина съ своимъ обычнымъ смиреньемъ на
этотъ

Разъ осталась въ волѣ своей непреклонна. Я въ
здѣшнемъ

Замкѣ хозяйка, сказала она, улыбаясь прискорбно;

Мнѣ за всѣмъ наблюдать; и здѣсь мнѣ приказывать
можетъ

Только рыцарь, мой мужъ и мой господинъ. —
Посмотрите,

Съ сердцемъ вскричала Бертальда, подумать можно,
что этой

Бѣдной, невинной водѣ самой не хочется съ Бо-
жьимъ

Свѣтомъ разстаться: какъ жалко она трепещетъ и
бьется!

Въ самомъ дѣлѣ, чудно кипя и шипя, изъ подъ
камня

Ключъ пробивался, какъ будто спѣша убѣжать, и
какъ будто

Что изъ него изторгнуться силой хотѣло. Тѣмъ
съ большей

Строгостью свой приказъ повторила Ундина;
охотно

Быль онъ исполненъ: Ундину любили, а гордость
Берталды

Всѣхъ отъ нее удаляла и каждому было пріятно

Той угодить, а этой сдѣлать досаду; и камень

Крѣпко на крѣпко устье колодца задвинулъ.
Ундина

Тихо къ нему подошла, надъ нимъ задумалась,
что-то

Пальчикомъ нѣжнымъ своимъ на немъ написала,
въ молчаньи

Грустномъ потомъ посмотрѣла вокругъ себя, и,
вздохнувши,

Медленнымъ шагомъ въ замокъ пошла. На камень жъ
остались

Видны какіе-то странные знаки, которыхъ до-
толѣ

Не было тамъ. Въ вечеру, когда Гульбрандъ
возвратился

Въ замокъ Рингштегтенъ, Бертальда ему въ слезахъ рассказала

То, что случилось съ колодцемъ. Сурово взглянулъ на Ундину

Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально

Въ землю глаза опустивъ; но однако, собравшись съ духомъ,

Вотъ что шепнула въ отвѣтъ: всегда справедливъ господинъ мой;

Онъ и раба не осудить, не выслушавъ; тѣмъ наипаче

Мнѣ, законной женѣ онъ позволить въ свое оправданье

Слово сказать. — Говори, сердито отвѣтствовалъ рыцарь.

— Я бы желала, чтобъ былъ ты одинъ, сказала Ундина. —

Нѣтъ при ней! Гульбрандъ возразилъ, указавъ на Бертальду

— Я исполню волю твою, она продолжала;

Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.

Голосъ ея былъ такъ убѣдителенъ, очи такъ нѣжны,

Все въ ней являло такую покорность, что въ сердце Гульбранда

Солнечный лучъ минувшихъ дней пробѣжалъ ; онъ

Ундину

Дружески за руку взялъ и въ ближнюю горницу

съ нею

Вышелъ ; и вотъ что ему сказала она : ужъ ко-

варный

Дядя мой Струй довольно извѣстенъ тебѣ ; не одинъ

разъ встрѣчался

Онъ съ тобою здѣсь въ замкѣ ; Бертальдъ же такъ

онъ

Страшенъ , что можетъ она умереть. Онъ безду-

шенъ , онъ просто

Отблескъ стихійный наружнаго міра ; что въ жизни

духовной

Здѣсь происходитъ , то вовсе чуждо ему ; здѣсь

глядитъ онъ

Только на вѣшность одну. Замѣчая , какъ ты не-

доволенъ

Мной иногда бываешь , какъ я , неразумный мла-

денецъ ,

Плачу , какъ въ то же время , Бертальду , случайно

быть можетъ ,

Что нибудь заставляетъ смѣяться , въ своемъ

безразудствѣ

Видитъ онъ то , чему здѣсь и признака нѣтъ ,

колобродитъ ,

Злится и въ наши дѣла незванный мѣшается ;

пользы

Нѣтъ отъ того ни какой, что ему я грожу и
гоняю

Съ сердцемъ отсюда его; онъ мнѣ упрямый не
вѣрить; въ бездушной,

Бѣдной жизни своей, никогда не будетъ способенъ

Онъ постигнуть того, что въ любви и страданье,
и радость

Такъ пламенно сходны, такъ близко родня, что
разрознить

Ихъ никакая сила не можетъ: съ улыбкою слезы

Сладко сливаются, слезы рождаютъ улыбку. И
очи,

Полная слезъ, съ улыбкой поднявши, она изъ
подлобья

Робко смотрѣла Гульбранду въ лице; и все трепе-
танье

Прежней любви онъ почувствовалъ въ сердцѣ;
Ундина глубоко

То поняла, къ нему прижалась нѣжнѣй, и въ
блаженствѣ

Радостныхъ слезъ продолжала: когда словами не
можно

Намъ безтолковаго дядю Струя унять, то затво-
римъ

Входъ ему въ замокъ; единственный путь, кото-
рымъ сюда онъ

Можетъ свободно всегда проникать, есть этотъ
колодезь ;

Онъ съ другими духами здѣшнихъ источниковъ
въ ссорѣ ;

Царство жь его начинается ниже, вдоль по Дунаю.

Вотъ для чего я на камень, которымъ колодезь
задвинуть,

Знаки свои написала : они безпокойнаго дядю

Струя власти лишили, и онъ ни тебя, ни Бер-
тальду

Болѣ не будетъ тревожить; онъ камня не сдвинетъ.

Но людямъ

Это легко : ты можешь исполнить желанье Бер-
тальды ;

Но, повѣрь мнѣ, она не знаетъ, чего такъ упрямо

Требуетъ ; Струй на нее особенно злится. А если

Сбудется то, что онъ предсказалъ мнѣ (хотя и
безъ всякой

Мысли худой отъ тебя) то и самъ ты, мой милый,
не будешь

Внѣ опасности. Рыцарь, глубоко проникнутый въ
сердце

Великодушнымъ поступкомъ своей небесной Ундины,

Обнялъ ее съ горячностью прежней любви. Мы не
тронемъ

Камня; отнынѣ жъ и все, что ты когда ни
прикажешь

Будетъ въ замкѣ отъ всѣхъ, какъ теперь, испол-
няемо свято,

Другъ мой Ундиночка: такъ ей рыцарь сказалъ, и
Ундина,

Руку цѣлуя ему въ благодарность за милое, столько

Времени имъ позабытое слово любви, прошептала

Робко: милый мой другъ, ты нынче со мной такъ
безмѣрно

Милостивъ, ласковъ и добръ, что еще объ одномъ
попрошу я.

Видишь ли? Ты для меня какъ свѣтлое лѣто; въ
сильнѣйшемъ

Блескѣ своемъ оно иногда себя покрываетъ

Огненно-грознымъ вѣнцемъ громовыхъ облаковъ и
владыкой,

Истиннымъ Богомъ земли намъ является; точно
таковъ ты

Кажешься мнѣ, когда, на меня прогнѣванъ бывая,

Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словомъ; и
въ этомъ,

Милый, твоя красота, хотя и случится порою

Мнѣ безрасудной плакать; но слушай, другъ мой:

воздержень

Будь на водахъ отъ гнѣвнаго слова со мною;

единымъ

Словомъ такимъ меня передашь ты въ волю подвод-

ныхъ

Сродниковъ; мстя за обиду ихъ рода, они не-

возвратно

Въ море меня увлекутъ и тамъ въ продолженіе

цѣлой

Жизни я буду подъ влажно-серебрянымъ сводомъ

въ неволѣ

Плакать, и мнѣ ужъ къ тебѣ не прійти; а если

приду я

Боже! то это будетъ и пуще тебѣ на погибель.

Нѣтъ, мой сладостный другъ, избавь меня отъ

такого

Бѣдствія. Рыцарь торжественно далъ обѣщанье

исполнить

Просьбу ее, и они съ веселымъ лицомъ возврати-

лись

Въ горницу, гдѣ ихъ Бертальда ждала. Она ужъ

успѣла

Слугъ къ колодцу послать, чтобъ они, по первому

знаку

Рыцаря, камень свалили съ него. Не трогайте
камня,

Холодно рыцарь сказалъ, и помните все, что
Ундина

Въ замкъ моемъ одна госпожа, что ея прика-
занья

Святы. При этомъ словъ Бертальда, въ лицъ измѣ-
нившись,

Скрылась. Вотъ ужъ и ужина часъ наступилъ, а
Бертальды

Не было. Рыцарь послалъ за нею, но, вмѣсто
Бертальды,

Въ спальнѣ ея опустѣвшей нашли записку на
имя

Рыцаря; вотъ что стояло въ запискѣ: „ вы приняли,
рыцарь,

„ Въ домъ свой меня, недостойную дочь рыбака, и
о низкомъ

„ Родѣ своемъ я безумно забыла; за то въ нака-
занье,

„ Доброю волей иду къ отцу рыбаку, чтобъ, въ
убогой

„ Хижицѣ скрывшись, о счастья земномъ не меч-
тать; наслаждайтесь

„ Долго имъ вмѣстѣ съ вашей прекрасной супругой. “
Ундина

Сильно была опечалена; рыцаря въ слѣдъ за Бер-
тальдой

Стала она посылать; ея убѣжденья однако

Были не нужны; онъ самъ на то былъ готовъ. Но

въ какую

Сторону ѣхать за ней? Ни кто объ этомъ не

вѣдалъ.

Рыцарь сидѣлъ на конѣ и хотѣлъ ужь свой путь

на удачу

Выбрать, какъ вдругъ явился пастухъ и сказалъ,

что Бертальда

Встрѣтилась съ нимъ у входа Черной Долины;

стрѣлою

Рыцарь пустился туда, не слыша того, что въ

окошко

Вслѣдъ за нимъ кричала Ундина: „ не ѣзди! не

ѣзди,

„ Милый! постой! Гульбрандъ, берегися Черной

Долины!

„ Стой! назадъ! иль, Бога ради, позволь мнѣ съ

собою

„ Ёхать!.. “... Но рыцарь ужь былъ далеко. Ундина

поспѣшно

Сѣла сама на коня и одна за нимъ поскакала.

ГЛАВА XIV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА.

TABLA XIV.

O TOMB, RARE, OF THE ANCESTOR

THE END

— 180 —
Эта долина, въ то время слывшая Черной Долиной

Очень близко была отъ замка, а какъ назы-
ваютъ

Нынче ее, неизвѣстно; тогда жь поселене ей имя

Черной дали за то, что глубоко средь дикихъ
утесовъ,

Еяли густо заросшихъ, лежала она, что кипучій,

Быстрый потокъ, на скалистомъ днѣ ущелья шу-
мѣвшій,

Черенъ межъ елей бѣжалъ, и что небо нигдѣ
голубое

Въ мутныя воды его не свѣтило. Въ сумерки
стало

Вдвое темнѣй и ужаснѣй межъ елей и дикихъ уте-
совъ.

Рыцарь съ трудомъ пробирался вдоль берега;
страшно

Было ему за Бертальду, и засвѣтло встрѣтитъся
съ нею

Онъ торопился; по всѣмъ сторонамъ съ напряжен-
нымъ вниманьемъ

Взоръ обращалъ онъ, и сердце въ немъ билось
сильнѣй; онъ со страхомъ

Думалъ: что будетъ съ нею, если заблудится въ
этомъ

Дикомъ мѣстѣ, ночью, и въ грозу, которая черной,

Тяжкой тучей шла на долину? Вдругъ показа-
лось

Бѣлое что-то ему въ потемкахъ, на склонахъ
утеса;

Онъ подумалъ, что было то платье Бертальды, и
шпорить

Началъ коня; но конь захрапѣлъ, уперся и, уши

Чутко поднявъ, не шелъ ни назадъ ни впередъ;
чтобъ напрасно не тратить

Времени, рыцарь спрыгнулъ съ сѣдла, къ опрокину-
той вѣтромъ

Ели коня привязалъ, и пѣшій впередъ пробираться

Началъ кустами; онъ спотыкался; упорныя вѣтви

Били его по лицу, и какъ будто нарочно сплета-
лись

Свѣтъ, чтобъ далѣ не могъ онъ идти; онъ ломалъ
ихъ, а небо

Тою порою все болѣ и болѣ мрачилось, и глухо

Громъ гремѣлъ по горамъ, и все кругомъ станови-
лось

Станнымъ такимъ, что онъ ужъ и робость чувство-
вать началъ,

Глядя на бѣлый образъ, къ которому ближе и
ближе

Все подходилъ и который лежалъ на землѣ непо-
движно.

Съ духомъ собравшись, къ нему наконецъ подсту-
пилъ онъ; сначала

Сучьями тихо потрясъ, мечемъ позвенѣлъ — ника-
кого

Нѣтъ отвѣта. Бертальда! Бертальда! онъ началъ,
сначала

Тихо, потомъ все громче и громче кликать — отвѣта

Все ему нѣтъ. Наконецъ закричалъ онъ такъ гром-
ко, что эхо

Вмѣстѣ съ нимъ закричало повсюду: Бертальда! —
напрасно;

То же молчанье. Тогда онъ къ ней наклонился; но,
было

Такъ ужъ темнó, что, немогиши подъ носомъ видѣть,
пригнулся

Къ самой землѣ онъ лицомъ, и въ эту минуту
сверкнула

Яркая молнія; все освѣтилось, и что же въ блескѣ
увидѣлъ

Рыцарь? Подъ самымъ лицомъ его отразилась изъ
черной

Тьмы безобразно-свирѣлая харя, и голосъ осязательный

Взвылъ: поцѣлуйся со мной, пастушечья дорогой!
Приведенный

Въ ужасъ, кинулся рыцарь назадъ; но свирѣлая
харя

Съ визгомъ и хохотомъ кинулась въ слѣдъ., За чѣмъ
ты? Куда ты?

Духи на волѣ! назадъ! убирайся! плѣ будешь ты
нашимъ!.,

Вотъ что была она, и длинныя руки хватали

Рыцаря. Струй проклятый! (Гульбрандъ закричалъ,
ободрившись)

Это твои проказы! постой, я тебя поцѣлую!

Сильно онъ треснулъ по харѣ мечемъ; она раз-
летѣлась

Въ брызги, и рыцарь пѣной, шипящей какъ хохоть,
былъ облитъ

Весь съ головы до ногъ; тогда объяснилось, съ
кѣмъ онъ

Дѣло имѣлъ. „Меня удержать онъ, я вижу, намѣренъ,

Рыцарь громко сказалъ; онъ думаетъ, я испугаюсь

Шутокъ бѣсовскихъ его и Бертальду бѣдную
брошу

Злому духу во власть. Демонъ бездушный не
знаетъ,

Какъ всемогущъ человекъ своей непреклонною
волей! „

Самъ онъ почувствовалъ истину словъ сихъ; новая
бодрость

Въ немъ родилась, и какъ будтобы счастье съ этой
минуты

Стало съ нимъ за одно: къ своему коню возвра-
титься

Онъ еще не успѣлъ, какъ ужъ явственно, сдѣлался
слышенъ

Жалобный голосъ Бертальды, зовущей на помощь
сквозь шумный

Вѣтеръ и говоръ грозы, подходившей часъ отъ часу
ближе.

Онъ полетѣлъ на крикъ и увидѣлъ Бертальду. Изъ
страшной

Черной Долины слыся вытти, она по крутому

Боку ея тащилась къ верху; тутъ заступилъ ей

Рыцарь дорогу; и какъ ни твердо, въ своей оскор-
бленной
Гордости, прежде рѣшилась она на побѣгу, но
встрѣтить Гульбранда
Было ей радостно; ужасъ, испытанный ею въ
дорогу,
Сердце ее умирнулъ, а свѣтлая жизнь въ безмятеж-
номъ
Замкѣ такъ ласково руки къ ней простирала, что
рыцарь
Тотчасъ ее за собою идти убѣдилъ. Но Бертальда
Силы почти не имѣла; Гульбрандъ съ большимъ
затрудненіемъ
Могъ ее до конца своего довести; и помочь ей
Сѣсть на сѣдло онъ хотѣлъ, чтобъ, коня отвязавъ,
за собою
Вѣсть его въ поводахъ; но конь, испуганный
Струемъ,
Былъ какъ звѣрь: онъ злился, храпѣлъ, на дыбы
подымался,
Задомъ и передомъ билъ; Бертальдъ даже и
близко
Было не лзя подойти. Пошли пѣшкомъ: осторожно
Рыцарь спутницу подъ руку велъ, а коня за
собою

Силой тащилъ за узду; Бертальда едва подвигала

Ноги и, какъ ни боролась съ собой, но усталость
давила

Члены ея какъ свинецъ; а бури, ударъ за ударомъ

Грома, сверканіе молній, шумъ деревьевъ во мракъ,

Злая игра привидѣній.... словомъ, Бертальда,
слѣяньемъ

Ужасовъ сихъ изнуренная, пала на землю; и
въ то же

Время Рыцаревъ конь, какъ будто взбѣсившійся,
началъ

Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь, чтобъ въ
Бертальду

Онъ не ударилъ, хотѣлъ отъ нее отойти; но
Бертальда

Съ воплемъ его начала умолять, что бь остал-
ся. На волю жь

Злаго коня пустить онъ не смѣлъ: онъ боялся,
что этотъ

Дикій звѣрь, набѣжавъ на лежащую, тяжкимъ конь-
томъ

Грянетъ въ нее; короче, на что рѣшиться, что
дѣлать,

Рыцарь не зналъ. И вдругъ онъ обрадованъ былъ
недалекимъ

Стукомъ колесъ: каменистой дорогой, онъ слышалъ,
тащилась

Фура. Гульбрандъ закричалъ, чтобъ имъ помогли;
грубоватый

Голосъ мужскій откликнулся; скоро въ потемкахъ
мелькнули

Двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ

Роста огромнаго, въ бѣломъ плащѣ; и фура покрыта

Бѣлой холстиной была, какъ всѣ повозки съ това-
ромъ.

Стойте, клячи! крикнулъ погонщикъ, и лошади
стали.

Онъ подошелъ къ Гульбранду, который съ конемъ
одичалымъ

Все еще бился., Я вижу въ чемъ дѣло, сказалъ онъ,
съ моими

Бѣлыми то же случилось, когда я въ первый разъ съ
возомъ

Этой долиной тащился; здѣсь гнѣздится какой-то

Бѣсъ водяной: онъ великой проказникъ, проѣзжимъ
покою

Нѣтъ отъ него; но мнѣ удалось свѣдать словечко;

Дай-ка шепну я его упрямой этой лошаdkѣ

На ухо. — Дѣлай что хочешь, но только скорѣе,
воскликнулъ
Рыцарь, киня нетерпѣньемъ. — Погонщикъ, какъ
слабую вѣтку
Вытянулъ шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
Въ ухо ему шепнулъ, и какъ вкопанный сталъ
онъ, лишь только
Жарко пыхтѣлъ и паръ отъ него подымался. Не
время
Было Гульбранду разспрашивать, какъ совершилося
чудо;
Онъ убѣдилъ погонщика взять въ повозку Бертальдъ,
Самъ же хотѣлъ провожать ее на конѣ; но усталый
Конь едва шевелилъ ногами. Садитесь-ка, рыцарь,
Въ фуру и вы, погонщикъ сказалъ; дорога
отсюда
Подъ гору будетъ; коня же привяжемъ съзади
повозки.
Рыцарь сѣлъ съ Бертаldою въ фуру, коня при-
вязали
Съзади, бичемъ захопалъ погонщикъ, дернули
дружно
Лошади, фура поѣхала. Было темно; утихая,

Глухо въ дали гремѣла гроза; въ усладительно -
мирномъ

Чувствѣ, своей безопасности, въ сладкомъ покоѣ,
въ волшебномъ

Мракѣ ночи, свободѣ рѣчей благосклонномъ, межъ
ними

Скоро сердечный, живой разговоръ начался: въ
выраженьяхъ

Ласковыхъ рыцарь Бертальдъ пѣнялъ за побѣгу.
Торопливо,

Трепетнымъ голосомъ, вся въ волненьи Бертальда
проступокъ

Свой извиняла, и рѣчи ея таинственно-ясны

Были, какъ свѣтъ лампы, когда онъ во мракѣ отъ
милой

Милому знакъ подаетъ, что его ожидаютъ. Рыцарь

Былъ въ упоеньи. Но вдругъ пробудилъ ихъ погон-
щиковъ голосъ:

„Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ) дружно! бѣда
намъ! „

Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ; что жъ
онъ увидѣлъ?

Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не шагами,
а плыли;

Не было видно колесъ; онъ, какъ на мельницѣ,
съ шумомъ,

Съ пѣной и съ брызгами рѣзали волны; погон-
щикъ на козлы

Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужъ въ водѣ
по колѣно.

Что за дорога такая, спросилъ у погонщика
рыцарь?

Прямо идемъ въ середину потока. — „Напротивъ!
погонщикъ

Съ смѣхомъ сказалъ: потокъ идетъ въ середину
дороги;

Видите сами; это сущій потокъ; мы пропали.“

Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами;

Выше и выше они подымались. — Это злодѣй
нашъ

Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь восклик-
нулъ; товарищъ,

Нѣтъ ли и противъ него у тебя какое слово? —

„Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно
прежде

Сказать вамъ, кто я и какъ прозываюсь!“, — Не
время загадки

Намъ загадывать, рыцарь сказалъ, вода приби-
ваетъ;

Имя твое здѣсь не нужно. — „А такъ-то не нужно,
погонщикъ

Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ, что, просимъ не
гнѣваться, самъ и

Струй!,, — И ужасную харю свою онъ уставилъ въ
повозку...

Но повозка ужь болѣ была не повозка, ужь были

Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, разби-
лось

Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ
поднялся

Страшной волной на дыбы, и коня, который
напрасно

Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и
ужасно

Началъ снова расти и расти, и горой водяною

Выросъ, и былъ ужь готовъ на Бертальду и рыцаря,
силой

Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей
задавить ихъ....

Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически - сладостный
голосъ раздался;

Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтъ его надъ
долиной явился

Образъ Ундины; она погрозила волнамъ — и, раз-
бившись

Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала;

Въ блескъ мѣсяца мирно потокъ заструился; и
бѣлымъ

Голубемъ свѣjala тихо Ундина въ долину; и, руку

Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на мурав-
чатый берегъ

Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Унди-
нинъ

Конь былъ отдавъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ
по тихоньку

Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ
въ замокъ.

ГЛАВА XV.

Въ то время, какъ они въ замокъ въшли

the same, which, upon the whole, is
a very good one.
The first of these is the one which
is the most common, and is the one
which is the most useful.
The second is the one which is the
most difficult, and is the one which
is the most dangerous.
The third is the one which is the
most interesting, and is the one which
is the most valuable.
The fourth is the one which is the
most curious, and is the one which
is the most rare.
The fifth is the one which is the
most beautiful, and is the one which
is the most perfect.
The sixth is the one which is the
most useful, and is the one which
is the most common.
The seventh is the one which is the
most interesting, and is the one which
is the most valuable.
The eighth is the one which is the
most curious, and is the one which
is the most rare.
The ninth is the one which is the
most beautiful, and is the one which
is the most perfect.
The tenth is the one which is the
most useful, and is the one which
is the most common.

ГЛАВА XV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЪЗДИЛИ ВЪ ВЪНУ.

TABLE XV.

TO THE HONORABLE SENATE OF THE UNITED STATES

1871

Съ этой поры, мой читатель, жилось покойно и
мирно

Въ замкѣ Рингштеттенѣ. Рыцарь все чувствовалъ
болѣ и болѣ

Прелесть небесную добраго сердца Ундины, забыв-
шей

Все для спасенья соперницы. Въ доброй Ундины

Всякая память о прошломъ исчезла: она безза-
ботнымъ

Сердцемъ любила, и зная, что шла прямою дорогою,

Ясную въ немъ питала довѣренность; все въ насто-
ящемъ

Было ей радостно; въ будущемъ все улыбалось.
Бертальда,

Снова ей съ прежней любовью всю душу отдавъ,
благодарной

Кроткой и нѣжной являлась; короче, замокъ
Рингштеттенъ

*

Сталь обителью свѣтлаго счастья. Дни пролетали

Быстро за днями; зима наступила; зима минова-
лась;

Вотъ и весна съ благовонно-зеленой своей муравой,

Съ свѣтло - лазоревымъ небомъ своимъ улыбнулась
веселымъ

Жителямъ замка; стало на сердца ихъ радостно,
стало и смутно.

Что жъ тутъ дивиться, если, при видѣ, какъ въ
воздухъ вешнемъ

Нитью вились журавли и легкія ласточки мчались,

Стало и ихъ позывать въ далекую даль. Разъ
случилось

Рыцарю вмѣстѣ съ женой и Бертальдой въ прекрас-
ное утро

Около свѣтлыхъ истоковъ Дуная гулять; имъ объ
этой

Славной рѣкѣ онъ рассказывалъ много: какъ
протекала

Пышнымъ, широкимъ потокомъ она по землямъ
благодатнымъ,

Какъ на ея берегахъ прекрасная Вѣна сіяла,

Какъ по ней величаво ходили суда, какъ бѣжали

Мимо плывущихъ назадъ берега, услаждая ихъ очи

Зрѣлищемъ пажитей, нивъ, городовъ и рыцарскихъ
замковъ.

„О! сказала Бертальда, какъ было бы весело
сѣздить

Въ Вѣну водой“.. но опомнясь, она покраснѣла,
и взоры

Робко потупила. Милымъ ея смущеньемъ Ундина

Тронувшись, руку ей подала, и въ ней загорѣлось

Сильно желанье утѣшить подругу свою. Да за
чѣмъ же

Дѣло стало, сказала она? Ничто не мѣшаетъ

Сѣздить намъ въ Вѣну. Бертальда запрыгала съ
радости. Вмѣстѣ

Стали они учредить поѣздку свою, и заранѣ

Тѣмъ, что представится имъ на пути, восхищались.

И рыцарь

Съ ними былъ за одно; Ундинѣ однако шепнулъ
онъ:

„Вспомни о Струѣ; вѣдь онъ могучъ на Дунаѣ.“
Не бойся,

Съ смѣхомъ сказала Ундина; пускай онъ попро-
буетъ сдѣлать

Что нибудь съ нами; я тутъ! при мнѣ ужъ ни
какъ колобродить

Онъ не посмѣетъ. Отвѣтомъ такимъ уничтожены
были

Всѣ затрудненья и съ бодрымъ духомъ, съ веселой
надеждой

Стали готовиться въ путь. Но скажите мнѣ, добрые
люди,

Все ли сбывается такъ на землѣ, какъ надежда
сулить намъ?

Хитрая Власть, стерегущая насъ для гибели
нашей,

Сладкія пѣсни, чудныя сказки подмѣченной жертвѣ

На ухо часто поетъ, чтобъ ее убаюкать. На-
противъ

Часто спасительный Божій посланникъ громко и
страшно

Въ двери наши стучится. Какъ бы то ни было,
наши

Путники весело плыли въ первые дни по Дунаю:

День ото дня рѣка становилася ширѣ и виды

Пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но вдругъ (и
на самомъ

Чудно-прелестномъ мѣстѣ) открылъ свои нападенья

Бѣшеный Струй; то были сначала простыя помѣхи

(Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ отовсюду,
мѣняясь,

Дулъ и судно качалъ), но Ундина одною угрозою,

Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и въ воды
смирала

Силу врага; то было однако не на долго: снова

Онъ томозился, и снова Ундина его унимала;

Словомъ сказать, веселость дороги разстроилась
— вовсе.

Въ то же время, гребцы, дивясь тому, что въ
глазахъ ихъ

Дѣлалось, между собою часто шептались; и скоро

Стали на все съ подозрѣньемъ посматривать;
самые слуги

Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ и
робкимъ

Взоромъ слѣдили господъ; а Гульбрандъ, задумав-
шись грустно,

Самъ про себя говорилъ: таково-то бываетъ, какъ
скоро

Здѣсь неровныя сходятся; худо, если вступаетъ

Въ грѣшный союзъ земной человѣкъ съ женой
водяною.

Вотъ что однако себѣ въ утѣшеніе твердилъ
онъ : вѣдь прежде

Самъ я не вѣдалъ, кто она ; правда, тяжело порою

Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни ; но мое
здѣсь

Горе , вина жъ не моя. Хотя иногда и вливалъ
онъ

Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ рассу-
дѣньемъ ;

Но за то съ другой стороны все боль и боль

Противъ бѣдной Ундины былъ раздражаемъ. То
слишкомъ ,

Слишкомъ она понимала, и въ смертную робость
угрюмый

Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная страхомъ ,

Горемъ и тщетной борьбой съ необузданнымъ
Струемъ , присѣла

Подъ вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе тихо плы-
вущей

Лодки ее укачало : она погрузилась въ глубокій

Сонъ. Но едва на мгновенье одно успѣли закрыться

Свѣтлые глазки ея, какъ вдругъ передъ каждымъ
изъ бывшихъ

Въ лодкѣ, въ той сторонѣ, куда онъ смотрѣлъ,
появилась,

Вынырнувъ съ шумомъ изъ водъ, голова съ разтво-
реннымъ зубастымъ

Ртомъ, и кривлялась, выпучивъ страшно глаза.
Закричали

Разомъ всѣ; отразился на каждомъ лицѣ одинакій

Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ сторону съ
крикомъ:

Здѣсь! сюда посмотри! И изъ каждой волны
создалась

Вдругъ голова съ ужаснымъ лицомъ, и поверхность
Дунай

Вся какъ будто бы прыгала, вся сверкала глазами,

Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гремѣла,
шипѣла,

Шикала. Крикъ разбудилъ Ундину, и въ мигъ при
возврѣньи

Гнѣвномъ ея пропали страшилища всѣ. Но рыцарь
ужасно

Былъ раздраженъ; съ умоляющимъ взглядомъ Унди-
на сказала:

Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не брани ты.

Онъ умолкнулъ, сѣлъ и задумался. Другъ мой,
шепнула

Снова Ундина, не лучшесть намъ даль не ѣздить?
Не лучшесть

Въ замокъ Рингштеттенъ обратно отправиться? Въ
замкъ

Будемъ спокойны — „И такъ, проворчалъ нахмурив-
шись рыцарь,

Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я жить
какъ невольникъ!

Только по тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ, пока
на колодезь

Будеть камень! Чтобъ этой проклятой роднѣ“....
Но Ундина

Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему наложивши

На губы руку. Опять замолчалъ онъ, вспомнивъ о
данномъ

Имъ обѣщаньи Ундины. Въ эту минуту Бертальда,

Въ мысляхъ о томъ, что дѣлалось съ ними, сидѣла
на краѣ

Лодки и въ воды глядѣла; сама того не примѣтивъ,

Съ шеи своей она сняла ожерелье, подарокъ

Рыцаря; имъ водила она по поверхности ровныхъ

Водъ, любясь, какъ будто сквозь сонъ, сверкань-
емъ жемчужныхъ

Зеренъ въ прозрачной, вечернимъ лучемъ орумя-
ненной влагъ.

Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огромную
руку

Высунувъ, ею схватилъ ожерелье и быстро пропаль
съ нимъ.

Вскрикнула громко Бертальда и хохотъ пронзитель-
ный грянулъ

Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ болѣе рыцарь

Гнѣва не могъ удержать; онъ вскочилъ въ изступле-
ньи и въ рѣку

Началъ кричать, вызывая на битву съ собой всѣхъ
подводныхъ

Демоновъ, Никсъ и Сиренъ; а Бертальда своимъ
безутѣшнымъ

Плачемъ о милой утратѣ и пуще его раздражала.

Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклонясь, окунула

Руку въ прозрачныя волны и что-то надъ ними
шептала ;

Но поминутно она прерывала свой шопоть, Гуль-
бранду

Голосомъ нѣжнымъ твердя : возлюбленный, милый,
подумай

Гдѣ мы; брани ихъ, какъ хочешь; со мной же ни
слова; ни слова,

Ради Бога, со мною одною; ты знаешь. И рыцарь,

Какъ ни былъ раздраженъ, но ее пощадилъ.

Вдругъ Ундина

Вынула влажную руку изъ водъ, и въ ней оже-
релье

Было изъ чудныхъ коралловъ; своимъ очарован-
нымъ блескомъ

Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бертальдъ,

Вотъ что (сказала она) для тебя изъ рѣки мнѣ
прислали,

Другъ мой, въ замѣну потери твоей. Возьми же и
полно

Плакать. Но рыцарь въ бѣшенствѣ кинулся къ ней,
ожерелье

Вырвалъ, швырнулъ въ Дунай и воскликнулъ: ты
съ ними

Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! про-
пади ты

Вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ своею
роднею!

Згинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ въ по-
коѣ!... Съ рукою,

Все еще поднятой вверхъ, какъ держала она
ожерелье,

Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но
полный

Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина его слова
роковыя

Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ,
который

Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ тяжкимъ
рыданьемъ

Плакать, и вотъ что сказала потомъ изтощеннымъ
отъ горя

Голосомъ: ахъ, мой сладостный другъ! ахъ, прости
невозвратно!

Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ было
мнѣ можно

Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводить; отсюда

Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь.... о мой
милый,

Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ! о горе! о
горе!...

Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку ускользнула:

Въ воду ль она погрузилась, сама ли водой раз-
лилася,

Въ лодкѣ ни кто не примѣтилъ; было и то и
другое,

Было и то ни другое. Слѣда не оставивъ, въ
Дунай

Вся распустилась она; но долго мелкія струйки

Около судна шептали, журчали, рыдая; и въ слухъ
доходили

Внятно, какъ будто слова: о горе! будь вѣренъ! о
горе!.....

Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и обморокъ
сильный

Душу ему на минуту отвелъ отъ тяжелой муки.

ГЛАВА XVI.

**О ТОМЪ, ЧТО ПОСЛѢ СЛУЧИЛОСЬ СЪ
РЫЦАРЕМЪ.**

LIBRARY

OF THE

UNIVERSITY OF CHICAGO

Какъ намъ добрый читатель сказать: къ сожалѣнью
или къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумью я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ благомъ
сливается
Насъ во едино, которымъ утрата для насъ не
утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непре-
станный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избран-
ныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ
свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ пока догоритъ; но она и для нихъ
ужь

Все не та подъ конецъ , какою была при началъ ,
Полная , чистая ; много , много инаго , чужаго
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось ;
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ
самой
Нашей печали мы видимъ и такъ , скажу къ
очень отъ души сожалѣнью ,
Наше горе земное не надолго . Это и рыцарь
Такъ же извѣдалъ — къ худуль , къ добруль своему ,
мы увидимъ .
Онъ сначала только и могъ , что плакать , такъ
горько
Плакать , какъ плакала бѣдная , кроткая , ангелъ
доброты Ундина ,
Стоя въ лодкѣ , когда онъ отнялъ у ней ожерелье ,
Коемъ она все поправить такъ мило хотѣла ; по-
томъ онъ
Такъ же и руку въ верхъ подымалъ , какъ Ундина ,
и снова
Плакалъ , и весь изойти слезами хотѣлъ . И Бертальда
Вмѣстѣ съ нимъ плакала искренно , горько . Другъ
подлѣ друга

Въ замкѣ Рингштеттенѣ тихо жили они, сохраняя

Свято память Ундины, и вовсе почти позабывши

Прежнюю склонность. Къ тому же въ это время
случалось

Часто и то, что Гульбранда во снѣ посѣщала
Ундина:

Грустно къ постѣлю его подходила она, и смотрѣла

Пристально въ очи ему, и плакала молча, и тихо,

Тихо потомъ назадъ уходила, такъ, что просну-
вшись

Самъ онъ навѣрно не зналъ: его ли, ея ли слезами

Были такъ влажны щеки его. Но вотъ напоследокъ

Эти сны объ Удинѣ стали часъ отъ часу рѣже;

Стало на сердцѣ рыцаря тише; въ немъ скорбь
призаснула.

Но, быть можетъ, что онъ для себя ничего и
придумать

Въ жизни не могъ бы янаго, какъ только, чтобъ
память Ундины

Вѣрно хранить и объ ней горевать, когда бъ
не явился

Въ замкъ нашъ честный, старый рыбакъ, и не сталъ
отъ Гульбранда

Требовать дочери. Свѣдавъ по слуху о томъ, что
съ Ундиной

Сдѣлалось, долъ терпѣть онъ уже нехотѣлъ, чтобъ
Бертальда

Въ замкъ одномъ жила съ неженатымъ. „Рада ль,
не рада ль

Будеть мнѣ дочь, о томъ я теперь и знать не
желаю,

Онъ говорилъ, но гдѣ о чѣстномъ имени дѣло,

Тамъ разбирать ужъ не лъзя. “ Съ приходомъ его
пробудилось

Въ рыцарѣ прежнее чувство, имъ позабытое вовсе

Въ горѣ по милой Ундины; при томъ же его
ужаснула

Мысль: одному въ опустѣвшемъ замкѣ остаться.
Но много

Противъ брака съ Бертальдой отецъ говорилъ въ
возраженъе:

„Точно ль Ундины на свѣтѣ не было? Впрочемъ—
на днѣ ли

„Влажномъ Дуная тѣло ее неотнѣтымъ лежало,

„Морель его безъ приюта носило своими волнами—

„Все Бертальда отчасти ея безвременной,
жалкой

„Смерти причиною была, и великой грѣхъ заступитъ ей

„Мѣсто бѣдной жены, отъ нее пострадавшей.“

Хоть это

Было и правда, но рыцарь стоялъ на своемъ;
напоследокъ,

Съ нимъ согласившись, рыбакъ остался въ замкѣ.

И тотъ-часъ

Былъ отправленъ гонецъ за отцемъ Лаврентіемъ
съ зовомъ

Въ замокъ Рингштеттенъ: Гульбранду хотѣлось,
чтобъ тотъ же, кѣмъ первый

Бракъ съ Ундиной его въ счастливые дни освященъ
былъ,

Нынѣ и съ новой женою его сочеталъ. Но священникъ,

Съ страхомъ какимъ-то посланика выслушавъ, тотъ-часъ

Въ путь отправился; день и ночь, не смотря на
усталость —

Было ль ненастье или ясное время — онъ шелъ.
Помоги мнѣ,

Господи, зло отвратить, онъ молился. И вотъ
напоследокъ

Вечеромъ позднимъ однимъ онъ вступилъ на дворъ,
осѣненный

Старыми липами, замка Рицштеттена. Рыцарь съ
невѣстой,

Веселы, рядомъ съ ними рыбаки, задумчивы, подъ
тѣнью

Лишь сидѣли. Увидя отца Лаврентія, рыцарь

Съ радостнымъ крикомъ вскочилъ, и всѣ его окру-
жили.

Но священникъ былъ молчаливъ, прискорбенъ;
хотѣлъ онъ

Рыцарю что-то сказать одному, но рыцарь, какъ
будто

Вѣсть худую предчувствуя, медлилъ вступить въ
особливый

Съ нимъ разговоръ. Священникъ сказалъ напоследъ-
докъ: таитья

Здѣсь мнѣ не нужно; до всѣхъ васъ касается то,
что скажу я;

Слушайте жь рыцарь. Точноль увѣрены вы, что
супруга

Ваша скончалась? Мнѣ не вѣрится это. Хоть много

Было разной молвы и объ ней самой и о родѣ

Чудномъ ея — что правда, что нѣтъ, я не знаю —
но знаю

То, что она была доброй, вѣрной, смиренной,

Благочестивой женою; а вамъ я скажу, что съ
недавнихъ

Поръ она по ночамъ начала мнѣ являться: прихо-
дить,

Плачетъ, ломаетъ руки, вздыхаетъ и все говоритъ
мнѣ:

„Честный отецъ, удержи ты его; я жива; о,
спаси ты

Тѣло ему! о, спаси ты душу ему!,,... И сначала

Самъ я понять не умѣлъ, чего хотѣло видѣнье;

Вдругъ посольство отъ сюда—и здѣсь я; но я не
для брака

Здѣсь, для развода. Гульбрандъ, откажись отъ
Берталды; Берталда,

Рыцарь не можетъ быть мужемъ тебѣ, имъ владѣ-
етъ другая.

Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, или вашъ бракъ вамъ не будетъ
на радость.

Рыцарь съ досадою выслушалъ старца Лаврентія;
долго

Спорили жарко они; напоследокъ Патеръ съ
сердитымъ

Видомъ изъ замка ушелъ, не желая и почти единой

Въ немъ провести. Гульбрандъ, увѣривъ себя, что
священникъ

Былъ сумазбродъ и мечтатель, послалъ въ мона-
стырь, по сосѣдству
Съ замкомъ лежавшій, за Патеромъ; тотъ безъ
труда согласился
Бракъ совершить, и день для обряда былъ тутъ
же назначень.

ГЛАВА XVII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ВИДѢЛЪ СОНЪ.

— 220 —
Было время межъ утра и ночи, когда на постелѣ

Рыцарь, сонный не сонный, лежалъ. Уже забываться

Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ, невидимкой, ужа-
сное что-то

Стало; и онъ очнулся, какъ будто услышавъ ка-
кой-то

Голосъ, невнятно шепнувшій: къ тебѣ подошло
привидѣнье.

Спится стать онъ, чтобъ вовсе проснуться; но вотъ
онъ слышалъ

Снова: какъ будто надъ нимъ и подъ нимъ лебеди-
ныя крылья

Вѣяли, волны журчали и пѣли; и онъ, утомленный,

Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой на
подушку.

Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ имъ; и
началъ

Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слышанный
шумъ лебединыхъ

Крыльевъ крыльями сталъ, что будто его подхватили

Эти крылья и съ нимъ надъ землею и водой
полѣтели

Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ стenanіемъ.

„Звонъ лебединый!

Стонъ лебединый! (себѣ непрестанно твердилъ
поневолю

Сонный рыцарь) вѣдь онъ предвѣщаетъ намъ смерть.“

И казаться

Стало ему, что подъ нимъ Средиземное море; и
лебедь,

Слышалось, пѣлъ: разступись, озарись, Средизем-
ное море.

Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды стали про-
зрачнымъ,

Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ насквозь до
самаго дна ихъ

Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундиною; подъ свѣтлымъ,
кристальнымъ

Сводомъ сидѣла она и плакала горько; и было ужъ
много,

Много въ ея лицѣ переменъ; не та ужъ Ундина

Это была, съ которою, въ прежнее время, такъ
счастлива

Былъ онъ въ замкѣ Рингштеттенѣ: очи, столь ясны
прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болѣзненъ былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой онъ, каза-
лось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ ней,
рыцарь увидѣлъ,
Струй, какъ будто съ упрекомъ за то, что такъ
безутѣшно
Плакала; тутъ Ундина съ такимъ повелительнымъ
видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ будто смутился.
„Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала она, но съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ же такъ горько
Плачу, того тебѣ никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто имѣетъ
Вѣрную душу. „ — Струй, покачавъ головою съ
сомнѣньемъ,
Началъ о чемъ то думать, потомъ сказалъ: ты какъ
хочешь
Чванься своею, живою душой, но все ты подъ
властью

Нашихъ стихійныхъ законовъ, все ты обязана
строгий

Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту минуту,
когда онъ

Вѣрность нарушить тебѣ и женится снова. —

„ Но въ этотъ

Мигъ онъ еще вдовецъ, отвѣчала Ундина, и груст-
нымъ

Сердцемъ любить меня., — Вдовецъ, я не спору,
со смѣхомъ

Струй отвѣчалъ; но онъ и женихъ, а скоро и
мужемъ

Будеть; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся, съ нашимъ
посольствомъ,

Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство,
сама ты

Знаешь какое, смерть. — „ Но знаю и то, что не
можно

Въ замокъ Рингштеттенъ войти мнѣ, сказала съ
улыбкой Ундина;

Камень лежитъ на колодцѣ,, — А если онъ выйдетъ
изъ замка,

Струй возразилъ? А если велитъ онъ камень съ
колодца

Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ бездѣлкахъ забылъ. —

„ Для того-то,

Съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, и
летаетъ

Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземнаго моря,
и слышитъ

Сонный все то, что мы съ тобой говоримъ; и
нарочно

Это устроила такъ, что бь онъ остерегся., — При-
мѣтя

Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой, кувыр-
кнулся

Въ волны, и быстро уплылъ, раздувшись отъ ярос-
ти китомъ.

Лебеди снова, со звономъ, со стономъ начали
вѣять,

Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться стало,

Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами, летитъ
надъ водами,

Будто на замокъ Рингштеттенъ слетѣлъ, и будто
проснулся.

Такъ и было: проснулся Гульбрандъ у себя на
постѣлѣ.

Въ эту минуту вошелъ Кастелянъ объявить, что
близъ замка

Встрѣченъ былъ Патеръ Лаврентій, что онъ въ
лѣсу недалеко

Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалашъ и въ немъ посе-
лился.

— Мнѣ на вопросъ, за чѣмъ онъ живетъ здѣсь, когда
отказался

Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ онъ : „ развѣ
одни лишь

„ Браки должны освящать мы ? Другіе не рѣдко
обряды

„ Намъ совершать случается. Если не могъ при-
годиться

„ Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье

„ Можетъ легко перейти въ гореванье. И такъ, кто
имѣетъ

„ Очи, да видить; кто уши имѣетъ, да слышитъ.“ —
Въ раздумьи

Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая свой сонъ и зна-
ченье

Словъ отца Лаврентія силясь понять; но, пришедши

Къ милой невѣстѣ, онъ все позабылъ, разгулялся,
и снова

Сдѣлался веселъ, и все осталось по прежнему въ
замкѣ.

ГЛАВА XVIII.

**О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛЪ
СВАДЬБУ.**

THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY

Если рассказывать мнѣ, читатель, подробно,
каковъ былъ

Въ замкѣ Ринштеттенѣ свадебный пиръ, то будетъ
съ тобою

То же, какъ еслибы вдругъ ты увидѣлъ множество
всякихъ

Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траурнымъ флеромъ
и въ этомъ

Злую насмѣшку нашелъ надъ ничтожностью счастья
земнаго.

Правда, въ этотъ свадебный день ничего не случи-
лось

Страшнаго въ замкѣ — духамъ водянымъ, ужъ это
мы знаемъ,

Было проникнуть въ него не лзя—но совсѣмъ тѣмъ
нашъ рыцарь,

Гости, рыбаки и даже служители были всѣ какъ-то

Смутны; казалось всѣмъ, что на праздникъ съ ними
кого-то

Главнаго нѣтъ, и что этимъ главнымъ никто ужъ
не могъ быть

Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми любимой
Ундины.

Всякій разъ, когда отворялися двери, невольно

Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали; когда же,

Вмѣсто желанной, являлся иль съ блюдомъ дворец-
кѣй, иль ключникъ

Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый печально
въ тарелку

Взоръ опускалъ, и сидѣлъ безгласенъ, какъ будто
въ грустной

Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселѣе была молодая;

Но и ей самой какъ будто совѣстно было

Въ брачномъ зеленомъ вѣнцѣ, въ жемчугахъ и въ
богатомъ вѣнчальномъ

Платѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда, какъ
Ундина

„Трупомъ, еще неотдѣтымъ, на днѣ Дуная лежала,

„Или носима была безъ пріюта морскими волнами.“

Эти отцовы слова и прежде мutilи ей сердце;

Тутъ же онѣ отзывались въ ушахъ ея безпрестанно.

Рано гости оставили замокъ, и каждый съ ка-
кимъ-то

Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ къ себѣ,
молодая

Такъ же къ себѣ — раздѣваться. Кругомъ ново-
брачной

Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного свои
поразсѣять

Черныя мысли, Бертальда велѣла подать дорогіе

Перстни, жемчужныя нитки и платья, рыцаремъ къ
свадьбѣ

Ей подаренные; стала примѣривать то и другое;

Льстя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея
красотою ;

Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ , Бертальда
смотрѣлась

Въ зеркало ; вдругъ сказала: Боже! какая досада!

Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а можно бѣ

Тотчасъ согнать ихъ; стоилобъ только водой изъ
колодца

Нашего разъ обтереться; ахъ! если бѣ мнѣ нынче жъ
хоть кружку

Этой воды достали!—О чемъ же тутъ думать? сказала,

Бросившись въ двери, одна изъ прислужницъ. —

Не ужъ то успѣтъ

Эта проказница камень поднять! съ довольной
усмѣшкой

Велѣдъ за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро

Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами къ колодезю
бѣжали

Люди. Бертальда сѣла подлѣ окна и при яркомъ

Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ дворъ замка, ей
было

Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники дружно

Двинули камень, хотя иному изъ нихъ и при-
скорбно

Было подумать, что имъ теперь надлежало разру-
шить

То, что было приказано сдѣлать прежнею,
доброй

Ихъ госпожею; но трудъ былъ не такъ то великъ,
какъ сначала

Думали; имъ изъ внутри колодезя какъ будто казал

Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили

Между собою работники: можно подумать, что бьетъ
тамъ

Сильный ключъ. И въ самомъ дѣлѣ съ отверстія
камень

Самъ собой подымался; безъ всякой помощи, сво-
бодно

Сдвинулся онъ и, со стукомъ глухимъ откатясь
повалился.

Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто бѣлый
прозрачный

Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо.
Сначала

Подлинно бьющимъ ключемъ показалось оно, но,
поднявшись

Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ
облеченнымъ

Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно
руки

Въ верхъ подымая, оно медленно, шагомъ воз-
душнымъ

Прямо къ замку двигалось. Въ ужасъ все отбѣжали

Прочь отъ колодца. Бертальда же, стоя въ окнѣ,
цѣпенѣла,

Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда поровнялся

Съ самымъ окошкомъ идущій образъ, сквозь
покрывало

Онъ поглядѣлъ на Бертальду пронзительнымъ окомъ,
съ тяжелымъ

Вздохомъ ; и блѣднымъ лицомъ Ундины тогда
показался

Образъ Бертальдъ: мимо ее она, упинаясь,

Нехотя, медленно шла, какъ будто на судъ.
Позовите

Рыцаря, громко вскричала Бертальда. Но всѣ
въ неподвижномъ

Страхъ стояли на мѣстѣ. Сама Бертальда, какъ
будто

Собственнымъ крикомъ своимъ приведенная въ
ужась, умолкла.

Тою порою чудесная гостя приблизилась къ двери

Замка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ

Тихо, молча, плача прошла.... о такую ль
бывало

Здѣсь видали ее? Въ то время еще нераздѣтый

Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ.

Тусклый

Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько

Стукнулъ въ дверь.... такъ точно, бывало, стучалась
Ундина.

Все этотъ призракъ! (сказалъ онъ) пора мнѣ въ
постелю. —, Въ постѣлѣ

Будешь ты скоро, но только въ холодной, шепнулъ
за дверями

Плачущій голосъ. —И въ зеркало рыцарь увидѣлъ,
какъ двери

Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая
гостья

Въ нихъ вошла, какъ чинно замѣкъ заперла за
собою.

„Камень съ колодца сняли, она промолвила тихо;

Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты., —Холодъ,
по сердцу

Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать даль,
что минута

Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскли-
кнулъ :

О не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть
отъ страха !

Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и
строгій

Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не
являя. —

„Ахъ, она отвѣчала, развѣ еще разъ увидѣть,

Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна какъ прежде,
какъ въ онѣй

День, когда твоею невестою стала.“— О, еслибъ

Это правда была! (Гульбрандъ воскликнулъ) о
еслибъ

Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и пускай бы

Въ немъ умереть!— „Охотно, возлюбленный мой.“
покрывало

Снявши, сказала она, и прекрасной Ундиною,
прежней

Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ,
блаженныхъ

Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ
близкой

Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ
она поцѣлуемъ

Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила

Боль его; а крѣпчѣ, все крѣпче къ нему при-
жимаясь,

Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ
будто

Выплакать душу хотѣла; и быстро, быстро лѣяся,

Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ сладкой

Болью къ нему заливались въ грудь, пока напоследъ-
докъ

Въ немъ не пропало дыханье и онъ не упалъ изъ
прекрасныхъ

Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на
подушку.

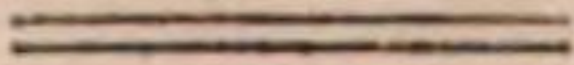
Я до смерти его заплакала! встрѣченнымъ ею

Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ, воз-
душнымъ

Шагомъ по двору, мимо Бертадьды, мимо стояв-
шихъ

Въ страхъ работниковъ, прямо прошла къ колодцу,
безгласной,

Грустной тѣнью спустилась въ его глубину и
пропала.

ГЛАВА XIX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ.

TABLE XIX

O TOMB, KAKA PAKATAP BATA HORTMEND

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внеза-
пно и чудно

Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингштеттена,
тотъ - часъ

Въ замкъ явился; и онъ, входя на дворъ, осѣ-
ненный

Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно
вѣнчавшимъ

Рыцаря: въ ужасъ тотъ удалиться спѣшилъ. Такъ
и должно!

Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь моя наступила

Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ. Хотѣлъ онъ
невѣсть,

Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ
подкрѣпленье;

Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.

Старый рыбакъ молился и плакалъ, и, въ горѣ
смирясь,

Думалъ: оно иначе и быть не могло; то Господній

Судъ; и конечно Гульбрандова смерть ни кому
не могла быть

Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смерт-
ной

Вѣстью прислали къ нему, отверженной, бѣдной
Ундиѣ.

Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было
прилично

Сану покойника: тѣло его положить надлежало

Подлѣ церкви приходской, тамъ, гдѣ были гроб-
ницы

Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ
богатыхъ

Эту церковь. И щитъ и шлемъ ужь лежали на
кровлѣ

Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ могилу,
ибо нашъ рыцарь

Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ
вмѣстѣ

Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался;

Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной
лазури

Тихо всходила; съ длиннымъ крестомъ, во всемъ
облаченьи

Патеръ Лаврентій шель впереди; за нимъ шла
Бертальда

Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца
опирался.

Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ
въ глубокий

Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣгли бѣлый

Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо
идущій,

Грустно потупивши голову. Страхомъ проникнуть
былъ каждый,

Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,

Пятились, такъ, что порядокъ хода разстроился.
Силой

Два смѣльчака хотѣли незваного изъ ряду вывести;

Но, отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ
на прежнемъ

Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гро-
бомъ.

Вотъ напоследокъ онъ, мало по малу, мѣнялся
мѣстомъ

Съ тѣми, кто въ страхъ спѣшилъ отъ него удалиться,
подлѣ

Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ

Не былъ, и сзади пошелъ смиренно - печаленъ. До-
стигнулъ

Ходъ до кладбища и всѣ обступили могилу. Тутъ
въ первый

Разъ Бертальда незваного гостя увидѣла; въ страхѣ

Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;

Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,

Руки къ ней простиралъ и какъ будто молилъ о
пошадѣ.

Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ундину,
какъ руку

Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла

Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подѣ
водами

Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновеніе
подалъ

Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ умолкли. И
стали

Гробъ опускать въ могилу, и мало по малу за-
сыпанъ

Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набро-
санъ могильный

Холмъ, и читать послѣднюю началъ молитву
священникъ,

Стала вдова на колѣни, стали и всѣ на колѣни,

Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь.

Когда же

Снова всѣ встали... ужь бѣлый образъ пропалъ, а
на мѣстѣ,

Гдѣ онъ стоялъ на колѣнахъ, сквозь травку со-
чился прозрачный

Ключъ; серебристо вѣлся, онъ впередъ пробирался,
покуда

Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣ-
жалъ онъ

Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.

Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ посе-
ляне

Чудную повѣсть любили прохожимъ рассказывать;
долго,

Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ
Ундина,

Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробъ
Ундина.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
глава. i. О томъ, какъ рыцарь прѣхалъ въ хижину рыбака.....	9.
глава. ii. О томъ, какъ Ундина въ первый разъ явилась въ хижинѣ рыбака..	25.
глава. iii. О томъ, какъ была найдена Ун- дина.....	39.
глава. iv. О томъ, что случилось съ рыца- ремъ въ лѣсу.....	49.
глава. v. О томъ, какъ рыцарь жилъ у ры- бака въ хижинѣ.....	65.
глава. vi. О томъ, какъ рыцарь женился....	79.
глава. vii. О томъ, что случилось въ свадеб- ный вечеръ.....	93.
глава. viii. О томъ, что случилось на другой день свадьбы.....	101

- глава ix. О томъ, какъ рыцарь и его молодая жена оставили хижину..... 115.
- глава. x. О томъ, какъ они жили въ Имперскомъ городѣ..... 127.
- глава. xi. О томъ, что случилось на именинахъ Бертальяды..... 137.
- глава. xii. О томъ, какъ рыцарь и Ундина уѣхали изъ Имперскаго города.. 149.
- глава. xiii. О томъ, какъ они жили въ замкѣ Рингштеттенѣ..... 159.
- глава. xiv. О томъ, какъ отыскалась Бертальяда..... 177.
- глава. xv. О томъ, какъ они ѣздили въ Вѣну 193.
- глава. xvi. О томъ, что послѣ случилось съ рыцаремъ..... 207.
- глава. xvii. О томъ, какъ рыцарь видѣлъ сонъ 217.
- глава. xviii. О томъ, какъ рыцарь праздновалъ свадьбу..... 225.
- глава. xix. О томъ, какъ рыцарь былъ погребенъ..... 237.
-

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Stichotvorenija

Bd.: 8

St. Petersburg 1837

P.o.rel. 3424-7/9

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036428-8